
ТАТЬЯНА
Никандрова
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
БЕСЧУВСТВЕННЫЙ

Татьяна Никандрова
Бесчувственный

https://litres.ru/74713028

Аннотация

– Дина? – Булат показывается на пороге с обнаженным торсом. – Что такое? – Ничего... Я просто хотела… – начинаю, но вдруг осекаюсь. Потому что понимаю, что он в квартире не один. К нему приближается прекрасная длинноногая блондинка, нагота которой едва прикрыта темно-серой мужской футболкой. – Так что ты хотела? – нетерпеливо переспрашивает Булат. – Это срочно? «Да, черт возьми! Я беременна! От тебя!» – яростно пульсирует в голове. Но вслух я произношу лишь тихое и бесцветное: – Да… Нет… Не очень... – Тогда давай потом поговорим. Я сейчас занят. – Хорошо, – киваю, глотая подступающие к горлу слезы. – Только… Хочу попросить, чтобы он позвонил мне сразу, как освободится, однако Кайсаров отворачивается и захлопывает дверь. Прямо перед моим носом.

Я любила его всю сознательную жизнь. Отчаянно, безрассудно и безответно. Но одна запретная ночь меняет все: я стала очередной в списке его побед, а он… даже не помнит этого.

История Булата Кайсарова и Дины Нечаевой.

Продолжение "Бесчувственный. Сердце на части":

Содержание

Глава 1. Проклятие. 4
Глава 2. Дура. 11
Глава 3. Голодный лев. 17
Глава 4. Невидимый зритель. 25
Глава 5. Выбор. 31
Глава 6. Везучий мальчик и невезучая девочка. 38
Глава 7. Победитель. 47
Глава 8. Инстинкты. 54
Глава 9. Просто друг. 59
Глава 10. Свидание. 69
Глава 11. Ты просто недоразумение. 75
Глава 12. Спаси меня. 85
Глава 13. В первый раз. 93
Глава 14. Буду тебя любить. 103
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Глава 1. Проклятие.

Дина

– Эй, я тебя где-то видела, – рядом со мной притормаживает брюнетка с огромными неестественными губами и пристально вглядывается в мое лицо.

– Ничего удивительного, – бурчу я, крепче сжимая пальцами пластиковый поднос. – Мы учимся в одном универе.

– Нет-нет, твое лицо мне очень знакомо… Ты случайно не официантка в «Сакуре»?

– Нет, – отвечаю, ощущая нарастающий дискомфорт из-за повышенного внимания.

Ведь теперь к нашему разговору прислушивается вся очередь.

– Так это же Баба Яга с дня рождения твоей племяшки! – вдруг восклицает подруга брюнетки. – Та страшная, с жутким носом!

– Точно! – прыскает она, закрывая рот ладошкой. – Ну и ну! В жизни ты не такая уродина!

Вслед за брюнеткой вся ее свита разражается визгливым хохотом, я чувствую, как к щекам приливает обжигающий жар смущения. Да, я работаю аниматором и исполняю абсолютно разные роли: Бабы Яги, Русалочки, Принцессы, Колдуньи…

В этом нет ничего постыдного, но, когда свора расфуфыренных девиц вот так открыто потешается надо мной, я чувствую себя жалкой и какой-то… слегка второсортной. Ведь ни одной из них не доводилось примерять на себя костюм Винни-Пуха не первой свежести, а для меня это привычное дело.

Мне нужны деньги на жизнь, а в ивент-агентстве хорошо платят. Поэтому тут не до брезгливости.

– А где же твой прекрасный горб? – гогочет губастая брюнетка, явно наслаждаясь моим конфузом.

– Дома оставила, – огрызаюсь я, желая как можно скорее отделаться от нее и ее противных подружек.

Однако очередь, в которой я стою, как назло, не двигается. Очевидно, кто-то застрял на кассе.

– Олесь, не зли ее! Она же ведьма, сейчас как возьмет и заколдует!

Девицам очень весело, а я неуклюже переминаюсь с ноги на ногу, мечтая провалиться сквозь землю. Вот прицепились же, а!

В голове разрождается малодушная мысль плюнуть на обед, оставить поднос с едой и сбежать из кафе, когда внезапно воздух наполняется густыми вибрациями знакомого голоса с характерной хрипотцой:

– Над чем смеемся, дамы?

Перед нами вырастает Булат Кайсаров. Мой близкий друг и по совместительству любовь всей моей жизни.

Широкоплечий. Высокий. Борзый.

Окруженный аурой опасности и красивый, как дьявол, поедающий женские сердца на завтрак.

На нем зауженные черные джинсы и белая футболка без надписей, из-под которой выглядывают узоры многочисленных татуировок. Самая противоречивая из них – след от напомаженных женских губ на шее. Этот провокационный рисунок Булат набил еще в пятнадцать, и, как ни странно, с тех пор у него действительно нет отбоя от поклонниц.

Заметив Кайсарова, мои мучительницы мигом вытягиваются по струнке и перестают хохотать. Брюнетка по имени Олеся кокетливо заправляет тонкую прядь волос за ухо и елейно роняет:

– Здравствуй, Булат.

– Они тебя доставали? – проигнорировав ее приветствие, обращается ко мне.

– Смеялись над моим костюмом Бабы Яги, – пожимаю плечами.

– Я всего лишь сказала, что без костюма ей гораздо лучше! – пытается оправдаться Олеся.

– И еще спрашивала, где мой горб, – добиваю я, вмиг обретая уверенность.

Рядом с Булатом всегда так: чувствую себя смелой и защищенной.

– Да ну? Серьезно? – Кайсаров осуждающе кривится.

– Угу.

Прищурившись, он цокает языком. Затем медленно переводит хищный взгляд на Олесю и ее присмиревших подружек, и притворно мягко произносит:

– А вы че такие токсичные, девочки? Леопольда в детстве не смотрели?

– Я… Мы… Булат, она все неправильно поняла… – испуганно блеет брюнетка.

– Рот закрыла и пошла вон отсюда, – обрывает неожиданно грубо. – Еще хоть одно кривое замечание в адрес Дины, и ты пожалеешь, что вообще открыла свой силиконовый свисток.

– Булат, за что ты со мной так? – выдает оскорбленно. – Я ведь ничего ей не сделала!

– Я считаю до трех, – он угрожающе заламывает темную бровь. – Один, два…

– Ладно, пойдемте, девочки, – брюнетка обиженно поводит плечиком. – Все равно нам уже пора…

Она и свита ее подруг устремляются на выход. Какое-то время Кайсаров задумчиво смотрит им вслед, а потом вдруг громко бросает:

– Олесь!

– Да?.. – притормозив, она оборачивается.

В ее трепещущем взгляде черным по белому читается надежда.

– И больше не пиши мне, поняла? Я передумал тебя трахать.

По кафе прокатывается приглушенное «ого-о-о» и расползаются сдавленные шепотки. Именно с таким звуком в нашем универе обычно рождаются свежие сплетни.

Лицо Олеси краснеет до состояния перезрелого томата, а в следующую секунду она срывается с места и пулей вылетает в коридор. Подальше от насмешек и косых взоров.

– Это было жестоко, – вздохнув, качаю головой. – Даже для тебя, Булат.

– Ты ее еще защищаешь? – он криво ухмыляется.

– Обида, которую она нанесла мне, совершенно несопоставима с уроном для ее репутации, – говорю я, слегка сдвигая поднос.

– Пускай. Зато будет урок.

– Ты бесчувственный, – я поправляю очки на переносице.

– А ты слишком мягкая, Гусеничка. Поэтому всякие стервы так и норовят тебя укусить.

Я ничего не отвечаю. За годы нашей с Булатом дружбы я сформировала для себя несколько нехитрых правил, которых старюсь придерживаться.

Во-первых, никогда и ни при каких обстоятельствах не спорить с Кайсаровым. Это совершенно бессмысленно. Он упертый и не изменит свою точку зрения, даже если будет откровенно не прав.

Во-вторых, не злить и не поучать его, когда он голодный. Есть большой риск нарваться на грубость.

И, в-третьих, не совать нос в его бурную личную жизнь,

наполненную безумством, адреналином и одноразовыми женщинами. Ибо это неизбежно обернется разочарованием и горькими слезами, утопленными в подушку.

– А чего мы здесь стоим? – недовольно интересуется Кайсаров.

– Тут очередь, – поясняю очевидное.

– Да ну нахуй! Не хочу ждать.

С этими словами он хватает мой поднос и направляется к кассе.

– Булат! – взвизгиваю я, семеня за ним по пятам. – Так нельзя!

– «Нельзя» бывает для тех, кто спрашивает, – не оборачиваясь, отзывается он. – А для тех, кто не спрашивает, можно все.

Миновав очередь, друг бесцеремонно теснит плечом парня, который как раз собирался расплачиваться, и, заняв его место, обаятельно улыбается кассирше:

– Посчитайте, пожалуйста.

Тетя Лариса, тучная женщина чуть за пятьдесят, окатывает нахала укоризненным взглядом, но от комментария воздерживается. Молча складывает стоимость стоящих на подносе блюд на калькуляторе и озвучивает итоговую сумму.

– Эм… Вот, держите, – виновато высовываюсь из-за спины Булата и протягиваю ей мятую бумажку. – Сдачи не нужно.

С абсолютно невозмутимым видом Кайсаров тащит мой

поднос к столу, а я принимаюсь извиниться перед парнем, вперед которого мы столь нагло влезли:

– Простите, пожалуйста… Мы… Мы просто очень торопимся.

Парень не удостаивает меня ответом. Лишь коротко качает головой и сосредотачивает внимание на своем кошельке.

Вздохнув, отхожу от него и опускаюсь на стул рядом с Булатом, который как ни в чем не бывало переписывается с кем-то в телефоне. В этом весь он: поставил на уши целое кафе, а сам при этом не потратил ни единой нервной клеточки.

Самоуверенный. Дерзкий. Бесстрашный. Убежденный в собственной исключительности и ежедневно играющий с жизнью в русскую рулетку.

Любить такого парня – настоящее проклятие, и я проклята уже много-много лет.

Глава 2. Дура.

Дина

Наша дружба началась довольно забавно. Озорник Булат дернул меня за волосы, а я расплакалась. Да так сильно, что мальчишке пришлось подойти и утешать меня. Мол, извини, кудряшка, я же не со зла.

Тогда нам было лет по шесть. У Булата уже выпали верхние молочные зубы, но, несмотря на это, худощавый мальчик с рассеченной бровью и необыкновенными карими глазами показался мне очень симпатичным. Можно сказать, я влюбилась в него с первого взгляда.

Мы жили в соседних дворах и постепенно стали все чаще общаться. Вместе участвовали в уличных играх, вместе пускали кораблики по ручейкам, вместе корпели над домашкой.

Булат и я всегда были очень разными. Он – харизматичный хулиган, протестующий против правил и обыденности. Я – тихоня, предпочитающая книги шумным тусовкам. У нас не было очевидных точек соприкосновения, но, вопреки всем законам логики, мы сошлись. И не просто сошлись, а стали близкими друзьями.

Когда мои родители подали на развод, Булат был моей главной опорой. Он успокаивал и поддерживал меня, всеми доступными способами отвлекая от разворачивающейся

семейной драмы: смотрел со мной романтические комедии, смешил забавными историями из жизни и стабильно приносил вкуснейшие тарталетки с малиной из моей любимой кондитерской.

Тот период был очень сложным, и я до сих пор безумно рада, что Булат находился рядом. Благодаря его заботе я избежала депрессии и смогла воспринять расставание родителей как данность, которую я не в силах изменить.

Именно Кайсаров внушил мне взрослую и мудрую мысль о том, что мы не в ответе за решения и поступки других людей. Даже если мы очень сильно их любим.

– Ну что, наелась? – спрашивает Булат, когда я допиваю свой чай.

– Ага, – киваю, промакивая губы салфеткой.

– Поехали скорее, – поднимается на ноги. – А то мне к трем на тренировку нужно.

– Если ты опаздываешь, я могу добраться до дома на автобусе, – говорю я, с трудом поспевая за быстрым темпом его шагов. – Мне нетрудно…

– Да нет, мне все равно на хату заскочить надо, – отмахивается он. – Сумку забрать.

Мы с Булатом всегда жили в одном районе, а с тех пор, как он съехал от матери и снял собственное жилье, и вовсе стали соседями. Ну то есть как соседями: наши дома теперь находятся друг напротив друга. Он живет на третьем этаже, а я на пятом.

Иногда я грешу тем, что подглядываю за ним. Делаю вид, что читаю конспекты по гражданскому праву, а сама исподтишка наблюдаю, как Булат сидит на балконе и, со смаком потягивая кальян, переписывается с кем-то в телефоне.

В такие моменты я жутко завидую девушкам, которым он строчит. Отчего-то я не сомневаюсь, что его собеседники – именно девушки. Ведь Булат привлекательный, сильный и наглый. Представительницы слабого пола слетаются на эти качества как мухи на мед.

Они боготворят его.

Они за ним бегают.

Они мечтают однажды оказаться в его постели.

И знаете что? Им везет. Он мало кому отказывает. Женщин в жизни Булата больше, чем страниц в моем старом потрепанном ежедневнике. И каждую из них я проживаю с болью. Каждую немного ненавижу.

Наверное, вы скажете, что это странно. Любить парня и при этом знать, что он никогда не станет твоим.

В целом, соглашусь. Это нездорово, неправильно и вообще попахивает каким-то психиатрическим диагнозом, вот только… Если бы у меня был выбор.

Если бы я могла, взять и волевым решением выдрать Булата из сердца, я бы непременно сделала это. Ведь я не мазохистка! Однако как бы я ни пыталась освободиться от своей дурной привязанности, как бы ни старалась переключиться на других парней, все напрасно.

Я по-прежнему люблю его. А он по-прежнему меня не замечает.

– В следующую субботу будет бой, – говорит Булат, садясь за руль своего темно-синего спортивного Мустанга. – Придешь?

– Даже не знаю… – тяну с сомнением, пристегивая ремень безопасности. – После каждого твоего боя я неделю отпаиваюсь пустырником.

– Брось, Гусеничка, не драматизируй, – он заводит мотор, и машина с утробным рыком срывается с места. – Ведь все не так страшно.

– В прошлый раз тебе чуть не выдавили глаз!

– Ну так не выдавили же, – усмехается беспечно.

– Не надоело рисковать жизнью, Булат? – на полном серьезе спрашиваю я, впившись взглядом в его гладко выбритую щеку.

– Нет, – отвечает, помолчав. – Я считаю, что риск – это разумная плата за то, чтобы не подохнуть со скуки.

Как вы уже поняли, Кайсаров – нигилист и бунтарь. В самом провокационном значении этих слов. Мало того, что он курит, пьет, шлет на три буквы преподавателей и гоняет по Москве как безумный, в списке его увлечений значится такое противоречивое занятие как подпольные бои без правил.

А это, на минуточку, крайне опасно! И что самое ужасное – абсолютно незаконно!

С одной стороны, я понимаю, почему Булат в это ввязал-

ся. Деньги там крутятся просто колоссальные. Но с другой – разве можно раз за разом рисковать здоровьем ради легкой наживы? Жизнь-то у нас одна. И оборваться она может в любой момент.

Я сотню раз говорила Кайсарову о своих опасениях, но ему хоть бы что. Он снова и снова повторяет, что жизнь без риска скучна и напрочь отказывается воспринимать разумные доводы.

Говорила же, с ним бесполезно спорить.

За невозможностью повлиять на него я решаю сменить тему, и всю дорогу мы с Булатом обсуждаем учебу и общих друзей. Однако в самом конце, на парковке возле наших домов, он опять возвращается к неоконченному диалогу:

– Приходи на бой, Гусеничка. Ты же знаешь, мне чертовски важна твоя поддержка.

Когда он говорит что-то подобное – трогательное и милое – я плавлюсь, словно пломбир на солнце, а моя свободная воля мгновенно превращается в труху.

Ну не могу я! Просто не могу быть последовательной, когда Булат во мне нуждается… Я хочу угодить ему. Даже если для этого мне придется наступить на горло собственной песне.

– Хорошо, – закусив нижнюю губу, покорно киваю. – Я приду.

– Спасибо, Дин. Ты чудо.

Судорожно вобрав в себя загустевший воздух, поднимаю

ресницы и тут же попадаю в сети бездонного завораживающего взгляда. Я давно заметила, что глаза Булата похожи на плавленый горький шоколад. Они очень-очень темные и только вокруг зрачков виднеется янтарно-зеленая радужка…

Боже, он такой красивый! А я такая непроходимая дура…

– Ну пока? – он выдергивает меня из ванильных мыслей. – Я просто не хочу на треню опаздывать.

– Да-да, конечно, – спохватываюсь я, судорожно дергая автомобильную ручку. – Мне тоже на работу нужно…

Выхожу наружу. Булат покидает машину следом.

Каждый из нас движется по направлению к своему дому, когда внезапно я слышу его оклик:

– Дин, кстати, зачетные кеды. Я оценил!

– Спасибо! – обрадованно отзываюсь я.

А затем опускаю взгляд на свои новые красные Конверсы и понимаю, что, походу, буду носить их вечно.

Глава 3. Голодный лев.

Булат

Знаете, иногда мне кажется, что я гребаный Билли Миллиган. Что у меня несколько десятков разных личностей, и каждая из них время от времени прорывается наружу.

Порой я веселый и беззаботный. Покупаю всем выпивку и срываю горло, подпевая популярным хитам. Порой – угрюмый и агрессивный. Ненавижу весь мир и могу с ноги уебать человека, который косо на меня посмотрел.

Сегодня настроение колеблется где-то посередине: уебать все еще могу, но пока вроде нет поводов. Я расслаблен, нетрезв и хочу трахаться. Собственно, за этим я и пришел в «Vanilla Bull». В моем любимом ночном клубе всегда найдутся девочки, готовые по щелчку пальцев раздвинуть ноги.

Глубоко затягиваюсь никотином и медленно выпускаю белесый дым через ноздри. Вообще курить сигареты на территории клуба строго запрещено, но я кладу хуй на любые правила, которые противоречат моим желаниям. Жизнь слишком коротка, чтобы в чем-то себя ограничивать.

– Здорово, качок, – у меня на плече виснет мой двоюродный брат Демид Южаков. – Че у нас сегодня по бабам? Нашел кого-нибудь?

Еще только начало вечера, а он уже в говно. Еле на ногах

держится.

Не так давно Демида кинула телка, с которой он встречался со школьных лет, и теперь друг жестко бухает. Залечивает душевные раны крепким сорокоградусным.

Я в принципе не осуждаю: сам с алкоголем «на ты». Вот только в этом деле чертовски важна мера. А то к двадцати пяти печень нахрен откажет.

– Рано тебе по бабам, – отвечаю, обхватывая губами фильтр. – Протрезвей немного.

– Я трезв!

– Отпустишь мое плечо – и сразу наебнешься с лестницы. Это трезв, по-твоему?

– Бля, – он накрывает ладонью лицо и трет веки. – Походу, не надо было начинать вечер с абсента…

– Да уж, – хмыкаю. – А где Гассен?

– Гассен сегодня не придет, – отзывается Южаков, обхватывая руками перила и при этом слегка покачиваясь.

– Почему? Опять из-за своей рыжей?

– Ага, – кивает. – Ему в ее вагине интересней, чем с нами.

Хуево. У моего лучшего друга появилась постоянная пассия, и теперь он пропускает все тусовки. Раньше нас было трое, а теперь мы с Югом остались вдвоем.

Внезапно мое рассеянное внимание привлекает яркий свет софитов, стрелой пущенный на сцену. Перед микрофоном, закрепленнымна стойке, появляется девушка в коротком блестящем платье и с длинными золотистыми волосами,

уложенными на одну сторону.

Эффектная. Сексуальная. Горячая.

С аппетитными бедрами и тонкой талией, которая напоминает песочные часы.

Девушка кокетливо приветствует аплодирующую публику, посылает воздушные поцелуйчики в толпу. Затем обвивает микрофон тонкими длинными пальцами и, замерев, опускает ресницы.

Пауза.

Пару секунд ничего не происходит. Я обостряю зрительные рецепторы, подавшись чуть вперед, а в следующий миг слуха касается приятная ритмичная музыка. Девушка распахивает веки, открывает рот, и пространство клуба наполняется ее чувственным, но при этом на удивление сильным голосом.

Она поет на английском. Красиво, вдохновенно, отдавая музыке всю себя. Пританцовывает и игриво виляет задницей, повышая градус настроения не только у меня, но и у всего зала сразу.

Артистичная. Яркая. Сочная.

Прямо конфетка, которую я всерьез намерен сожрать.

– Кто это такая? – спрашиваю я, толкнув Демида в бок.

– Глория, – хрипит друг, осоловело пялясь на сцену. – Аракчеев нанял ее в прошлом месяце. Теперь она всегда по пятницам выступает.

– Хороша, – резюмирую я, по-прежнему неотрывно на-

блюдая за движениями сексапильной певички.

– Визуально – да, но по характеру, говорят, та еще сука.

– Когда меня это останавливало? – усмехаюсь я, отщелкивая окурок в неподалеку стоящую урну.

– Ты серьезно? – Юг бросает на меня косой взгляд. – Решил завалить эту бедную гордую лань?

– Лань, может, и бедная, – скалюсь я, – но лев тоже хочет кушать.

Азарт, зарождающийся где-то в груди, приятно щекочет нервы. Я уже предчувствую, что с этой златовласой кралей будет непросто, но даже рад такому раскладу. В последнее время любовные победы даются мне слишком легко, и это навевает скуку.

Я уже забыл, каково это – по-настоящему добиваться женщину.

Отправляю Демида в нашу випку отпаиваться минералкой, а сам спускаюсь по лестнице и сворачиваю в холл, ведущий к блоку артистов. Там находятся гримерки, раздевалки и комнаты неопределенного назначения. Формально гостям клуба нельзя туда соваться, но вы уже знаете мое отношение к правилам.

К тому же «Vanilla Bull» частично учрежден на деньги моего папаши, так что здешняя администрация благоразумно закрывает глаза на мои выходки. С отцом я, правда, много лет не общаюсь, но это уже совсем другая история.

Глория как раз заканчивает выступление и спускается со

сцены. Цокот ее каблучков, с каждой секундой становящийся все отчетливее, наполняет мое нутро легким будоражащим возбуждением.

Я хочу увидеть ее вблизи.

Хочу почувствовать запах ее кожи и насладиться эмоциями, плещущимися на дне ее глаз.

Интересно, какого они у нее цвета? Голубые или, может быть, серые?

– Привет, ты классно пела, – отлипаю от стены и делаю шаг навстречу Глории.

– Знакомы? – не замедляясь, она мажет по мне равнодушным взглядом.

– Нет, но я намерен это исправить, – обаятельно оскалившись, подстраиваюсь под темп ее шагов.

– Не заинтригована, – на ее лице ни тени улыбки.

– Отчего же? Парень есть? Или в принципе секс не интересует?

– А тебя, похоже, интересует только он?

– Не только. Я еще целоваться люблю.

– Ладно, молодец. Попытка засчитана, но не прокатило, – она притормаживает у гримерки и толкает дверную ручку. – А теперь извини, мне пора.

Заходит внутрь, намереваясь захлопнуть дверь прямо перед моим носом, но я привык, чтобы последнее слово оставалось за мной.

Упираюсь основанием ладони в темное дерево и пошире

открываю дверь, следуя за своенравной блондинкой.

– Эй! – почувствовав мое присутствие, она оборачивается. – Совсем охренел?! Эта комната для артистов!

– Так я и есть артист, – уверенно подступаю ближе. – Просто выступаю на другой сцене.

– Я сейчас позову охрану, – сверкнув злым взглядом, она скрещивает руки на груди.

И да, я оказался прав: глаза у нее действительно голубые. Яркие и контрастные, будто нарисованные фломастером.

– Зови, – ухмыляюсь. – Они все мои кореша.

Она закатывает глаза и поджимает губы. Злится. На разъяренную пантеру похожа.

– Чего ты хочешь? – выдает наконец.

– Понюхать тебя.

– Что-о? – удивленно расширяет веки.

– Я хочу узнать, как ты пахнешь, – повторяю, совершенно серьезно глядя ей в глаза. – Ведь по запаху можно определить физическую совместимость.

– Ты больной, да? Один из этих извращенцев?

– Все мы извращенцы, детка. Кто-то в большей, кто-то в меньшей степени.

Медленно сокращаю расстояние между нами. Глория, как ни странно, не пятится. Лишь повыше задирает подбородок и чуть сильнее сжимает собственные плечи.

– Тронешь меня хоть пальцем, и я двину тебе по яйцам с колена, – шипит предостерегающе.

– Доходчиво, – ухмыляюсь. – Но я не собираюсь тебя трогать. Пока.

Еще один шаг – и между нами остается не больше десять сантиметров. Я ощущаю негодование, волнами исходящее от нее. А еще жар, нетерпение и, как бы она ни пыталась это скрыть, взволнованность.

Наклоняюсь и глубоко тяну носом ее аромат.

– Ты все равно ничего не учуешь, – негромко роняет Глория. – На мне литр духов и лосьон для тела…

– А еще пот, феромоны и адреналин, – шепчу я, едва не касаясь губами ее уха. – Кожа каждого человека пахнет особенно, и это своего рода краткий рассказ о его личности…

На ее теле и правда много парфюмерии. Кажется, это французский «Kilian» с имбирем и зефиром. Но, помимо этого, я чувствую и естественные ноты… Что-то терпкое, дерзкое, немного пряное. С каплей мускуса и отголосками востока. Словно колючие алые цветы, обсыпанные корицей…

Делаю шаг назад и, не проронив ни слова, закусываю нижнюю губу. Дразню Глорию демонстративным молчанием, рассчитывая, что совсем скоро ее любопытство возьмет верх над гордостью.

И не ошибаюсь.

– Ну? – нетерпеливо осведомляется она. – И что ты почувствовал?

– Ты подходишь мне, – изрекаю свой вердикт, направля-

ясь к двери.

– Что это значит? – бросает вслед.

– Это значит, что скоро мы переспим, – отвечаю, не оборачиваясь. – И тебе чертовски понравится.

Ну а мне, судя по всему, пока придется подыскать другую жертву на этот вечер.

Глава 4. Невидимый зритель.

Дина

Отхлебываю горячего чая с лимоном и, перелистнув страницу учебника, сосредоточенно заучиваю определение: «Правовая компаративистика – это отрасль юридической науки, изучающая правовые системы различных государств путём сопоставления одноимённых государственных и правовых институтов, их основных принципов и категорий».

Завтра у нас семинар по сравнительному правоведению, и я уверена, что меня спросят. Если блесну отличным знанием темы, то с высокой вероятностью получу зачет автоматом. А это было бы ой как кстати.

Мобильник, лежащий под завалами конспектов, начинает призывно вибрировать, и я принимаюсь шелестеть бумажками, чтобы отыскать его.

– Алло, – отзываюсь, прижав трубку к уху.

– Дин, привет. Не спишь?

Это папа. Иногда он звонит мне на ночь глядя. Чтобы поговорить, повздыхать и просто унять бушующую в груди тревогу.

С тех пор, как мама подала на развод, прошло уже много лет, но отец по-прежнему сам не свой. Тоскует, грустит и все еще живет прошлым. К счастью, он не запил, не скатился, не

пустился во все тяжкие. Ходит на работу, платит по счетам и исправно посещает врачей. Вот только есть ощущение, будто с уходом мамы его жизнь утратила вкус и смысл. Я все реже вижу улыбку на его лице и все чаще – тоску во взгляде.

– Привет, пап. Нет, к семинару готовлюсь. А ты что делаешь?

– Да вот… Что-то не спится. Решил пересмотреть фильм «Босиком по мостовой». Помнится, мы с твоей мамой вместе его смотрели, когда она тобой была беременна…

Вздыхаю. Папа не старый, довольно симпатичный и уже много лет в разводе. Однако вместо того, чтобы найти себе подругу и начать жизнь с чистого листа, он коротает вечера, вспоминая о женщине, которая выбрала не его.

Кто-то может посчитать это трогательным, кто-то наивным, ну а лично меня это жутко расстраивает. Потому что, глядя на отца, я понимаю, что мы с ним очень похожи. Оба сходим с ума по людям, которым нет до нас дела.

– Уже первый час ночи, пап, – негромко роняю я, скосившись на часы. – Тебе ведь на работу завтра вставать.

– Да, знаю… Просто заснуть никак не получается. В голове целый вихрь из мыслей и воспоминаний.

– Понимаю. Может, стоит выпить Мелатонин?

– Не хочу баловаться снотворными.

– Это просто гормон сна. Тот же самый, что выделяется нашим собственным организмом. От одной таблетки вреда не будет.

– Думаешь? – с сомнением.

– Конечно. Уж лучше так, чем завтра весь день ходить разбитым.

Поговорив с отцом еще немного, я желаю ему добрых снов и сбрасываю вызов. Откладываю телефон в сторону и какое-то время сижу бездвижно, размышляя о непростой природе человеческих взаимоотношений.

Внезапно внимание привлекает движение за окном. А именно тот факт, что у Булата в квартире зажегся свет. Знаю-знаю, странно реагировать на такие незначительные изменения, произошедшие в соседнем доме, но я так часто глазею в окна Кайсарова, что у меня уже какой-то рефлекс выработался…

Осторожно одергиваю полупрозрачный тюль и упираюсь ладонями в подоконник. Свет в квартире Булата кажется очень тусклым и слабым, а значит, его включили не на кухне и не в спальне. В коридоре, скорее всего. Ну или в зале.

Замираю в ожидании, но примерно с минуту вообще ничего не происходит. Никаких признаков жизни и человеческого присутствия. Наверное, Кайсаров просто вернулся с очередной пьянки и, не раздеваясь, завалился спать.

Я уже собираюсь оторваться от бесплодного созерцания его окон и вернуться к учебе, когда глаза улавливают какое-то невнятное движение в районе спальни. Напрягаю зрение, а в следующую секунду с протяжным «а-а-ах» отшатываюсь от подоконника.

Потому что неяркий свет из коридора недвусмысленно подчеркивает сплетение двух тел. Женского и мужского. Они целуются и с суетливой спешкой сдирают друг с друга одежду.

Накрываю рот рукой и, дрожащими пальцами нащупав выключатель настольной лампы, погружаю свою комнату во тьму. Хотя это вроде ни к чему… Вряд ли в порыве страсти Булат вскинет взгляд и заметит, что в окнах напротив горит свет.

Однако мне так спокойнее и проще. Я ведь привыкла наблюдать исподтишка. Привыкла быть невидимым зрителем в театре его насыщенной эмоциями жизни.

Тем временем безудержная парочка неспешно перемещается по спальне. С каждым шагом одежды на них становится все меньше, и вот я уже отчетливо вижу рельефный пресс Булата и роскошную пышную грудь его темноволосой спутницы.

Они буквально пожирают друг друга ртами, и от этого зрелища в душе разливается что-то горькое, желчное, обжигающе горячее… Парализующим ядом растекающееся по венам.

То, что я вижу, причиняет мне нестерпимую боль. Будто сотни маленьких острых игл разом вонзаются в кожу и медленно идут на глубину. Разрывают сосуды, травмируют мышцы, царапают кости…

Мне тошно, но при этом я не могу пошевелиться. Не могу отвернуться и перестать наблюдать за тем, как парень, ко-

торого я люблю больше всего на свете, занимается сексом с другой женщиной.

По щеке прокатывается слезинка. Следом за ней еще одна. И еще.

Шмыгнув носом, утираю кожу тыльной стороной ладони и, сглотнув, проталкиваю вниз по пищеводу загустевшую слюну. У меня нет никаких сомнений в том, что сегодняшняя ночь будет адовой. Что я глаз не сомкну: буду думать, вертеться с боку на бок, комкать подушку и рыдать…

Ну пока мне не остается ничего иного, кроме как до крови закусить губу и молча терпеть эту изощренную пытку.

Булат решает не мелочиться и затаскивает свою гостью на балкон. Теперь они настолько близко, что я могу разглядеть знакомые рисунки на его теле. Он толкает девушку вперед, впечатывая ее обнаженную грудь в оконное стекло, властным движением стягивает длинные волосы в кулак и, приспустив свои джинсы, яростным толчком входит сзади.

Я почти слышу, как она вскрикивает.

Почти ощущаю волну жара, пробежавшуюся вдоль ее позвоночника.

Невольно подмечаю, с каким блаженным экстазом закатываются ее глаза…

Я знаю, что эта красивая эффектная девушка для Булата не более, чем игрушка. Сегодня он проведет ночь с ней, а завтра приведет домой другую. Но, несмотря на это, я отчаянно, до дрожи, до боли в стиснутых кулаках хочу оказаться

на ее месте.

Ведь у нее будут воспоминания и запах его кожи на теле, а у меня – ничего.

Они предаются страсти минут семь-восемь. Несколько раз меняют позы, целуются, о чем-то переговариваются… Потом собирают разбросанные по полу вещи и скрываются из вида. Наверное, уходят в душ или в постель.

Я отхожу от окна и, присев на край кровати, прикладываю руки к груди. Будто там зияет дыра и ее срочно нужно чем-то заткнуть.

За ребрами вибрирует. Но это не просто сердцебиение, нет… Так обычно ощущается пульсация свежей раны. Чувство, словно меня расстреляли в упор. Каждый сантиметр души и тела ноет. Каждый болит.

Опускаюсь на подушку и, свернувшись калачиком, натягиваю на себя плед аж до самого носа. Он быстро пропитывается моими слезами, но я не спешу менять позу или пить успокоительное, без которого мне сегодня явно не обойтись.

Я раздавлена и опустошена, хотя далеко не впервые вижу Кайсарова с другой девушкой. Но в этом деле, увы, каждый раз как в первый. Смириться и взрастить равнодушие не удается.

Сколько бы я ни пыталась.

Глава 5. Выбор.

Булат

– Эй, котик, – чьи-то пальцы игриво пробегаются по моему плечу, – не хочешь повторить вчерашний подвиг?

С трудом продираю глаза и, широко зевнув, вылупляюсь на телку, сидящую рядом со мной. На ней ни грамма одежды – только одеяло и россыпь густых темных волос, покрывающая грудь.

– Какой я тебе нахрен котик? – интересуюсь мрачно.

Терпеть не могу эти дебильные уменьшительно-ласкательные прозвища. А еще когда животных приплетают… Вообще атас. Почему бабам непременно нужно все опошлить?

– Просто после того, что между нами было, я подумала… – слегка стушевавшись, начинает она.

Но я перебиваю:

– А ты не думай. И тем более не выдумывай. Между нами был лишь секс. Это ничего не значит.

– Ах, вот как?! – возмутившись, моя вчерашняя любовница хватает одеяло и натягивает его аж до самой шеи, стремясь прикрыть наготу.

Совершенно бесполезное действие. Что я там не видел?

– Угу, – безэмоционально отзываюсь я, соскакивая с постели. – Я в душ. Входную дверь можно просто захлопнуть.

Намек максимально прозрачный, поэтому я не сомневаюсь, что она его поймет. Бывают, конечно, случаи, когда девчонки упираются рогом и начинают качать свои права, но, к счастью, редко. Как правило, им не хватает наглости и твердости духа. Гораздо проще вжиться в роль жертвы и начать жалеть себя, чем схватить оборзевшего мужика за яйца и строго потребовать от него объяснений.

На отстаивание личных прав способны единицы, и парни вроде меня беззастенчиво этим пользуются.

Скрываюсь в ванной и, выкрутив вентиль холодной воды до упора, закрываю глаза. Ледяной душ – лучшее средство для пробуждения и заряда энергией. Ни один кофе так не взбодрит.

Бегло натираю тело и волосы шампунем, который подарила мне моя подруга Динка на двадцать третье февраля, и, смыв с себя ароматную пену, обматываюсь полотенцем. Бросаю взгляд в зеркало и мысленно резюмирую: хорош. Свеж, чист, а главное – никакого похмелья.

Наспех высушив полотенцем изрядно отросшую шевелюру, возвращаюсь в спальню и удовлетворенно подмечаю, что моей ночной гостьи и след простыл. Быстро собрала монатки и ушла.

Хорошая девочка.

Натягиваю чистые трусы, джинсы, худак с забавной надписью «Дабл Ять» и просовываю руки в косуху. Сегодня по плану – завтрак в гостях у матери, а значит, о еде можно не

париться. По-любому к моему приходу кучу всего наготовит.

Врываюсь на улицу, где ранняя весна встречает меня грубыми порывами ветра. Накидываю на башку капюшон и, вставив в зубы сигарету, со смаком вдыхаю никотин.

Охуенно.

Я не любитель замысловатых эпитетов, но это утро мне по душе. Тихое, спокойное, ненапряжное – все как я люблю. Даже вечно орущие вороны как будто притихли. Нервы мои берегут.

Мать живет со мной в одном районе. Фактически – в соседнем дворе. Когда искал съемную хату, специально выбирал так, чтобы недалеко было. Я не то чтобы маменькин сынок, но родительницу люблю. Она меня вырастила, воспитала. Дарила любовь и заботу, пока папаша-долбоеб строил карьеру и трахал молоденьких любовниц.

В общем, я дико ей за все благодарен. Поэтому совместные субботние завтраки – это вроде как святое.

– Здравствуй, сынок! – щебечет мама, когда я перешагиваю порог ее уютной, пропахшей выпечкой квартиры.

А затем протягивает руки и, привстав на носочки, скупо клюет меня в щеку.

Если честно, не очень люблю сантименты, но матери все прощается. Она же мать.

– Доброе утро, – отзываюсь я, разуваясь и снимая верхнюю одежду. – Давно проснулась?

– Уже пару часов как, – улыбается, заправляя за уши рано

поседевшие пряди. – Ты голоден?

– Как зверь, – заверяю.

– Тогда иди мой руки и за стол. Я кексы испекла. И омлет с ветчиной пожарила.

Сажусь на отведенное мне место и молча наблюдаю за тем, как мать накрывает на стол. Ставит передо мной наполненную чаем кружку с синими цветочками и ложку со старомодной позолотой.

Я бы помог, да она против. Любит сама за мной ухаживать. Дескать, я и так слишком редко у нее бываю, поэтому должен сидеть смирно.

Опустив на стол тарелку с ароматным омлетом, покрытым тонким слоем сыра, мама проводит ладонью по моей голове и, нащупав на затыке свежую ссадину, тяжело вздыхает:

– Когда ты уже покончишь с этими боями, Булат? На тебе ведь живого места нет.

– Как только, так сразу, мам, – отзываюсь я, уплетая за обе щеки.

– Это не ответ.

– Отчего же?

– Ты говоришь так уже год. Но становится только хуже.

– Ничего подобного, – заталкиваю в рот кусок поджаренного хлеба. – Последние три боя я с блеском выиграл.

– Но какой ценой?

– В смысле?

– Весь изодранный, раненый… Неужели тебе нравится,

когда тебя постоянно бьют?

– Нет, но мне нравится бить самому, – признаюсь честно. – В этом есть какой-то особый кайф.

Мама ничего не отвечает. Лишь испускает который по счету удрученный вздох.

Ей известно, что я без царя в голове, и за все эти годы она должна была бы привыкнуть к моему образу жизни. Однако почему-то упорно сопротивляется. Пытается вразумить и направить на путь истинный. А это, говоря по правде, совершенно бесполезно.

Человек меняется только тогда, когда сам этого захочет. И никак иначе.

Мерно тарахтящий на заднем фоне телек неожиданно сменяет кадр какого-то потопа, творящегося на юге, на лощеную физиономию моего отца, и мать, схватившись за пульт, делает чуть громче.

– Как и прежде, мы руководствуемся нашими принципами и идеологией лидерства. Суть ее заключается в том, чтобы во всех сферах жизни люди чувствовали перемены, и эти перемены должны быть к лучшему. А для этого нужно иметь ресурсы, возможности, – сосредоточенно пялясь в камеру, вещает батя. – Мы все прекрасно поминаем, что лидерство имеет значение только тогда, когда оно направлено на помощь жителям, на достижение результата…

Не сдержав скепсиса, закатываю глаза. Пиздеть на потеху челяди – любимое занятие моего отца, ведь он у нас

профессиональный политик. А еще важная шишка в кругах Московской администрации, взяточник и просто неприятный тип.

Когда я слушаю чушь, которую он несет с экрана телика, у меня натурально уши в трубочку сворачиваются. Идеология, помощь жителям, лидерство… Смешно воспринимать весь этот бред из уст мужика, который на хую вертел те самые принципы, о которых высокопарно лечит.

Он бросил нас с матерью, когда я учился в начальной школе. Нашел какую-то тупоголовую сисястую блядь с узкой вагиной и переметнулся к ней.

Нам с матерью, естественно, ничего не досталось, ибо все его имущество было записано на родителей, сестер, друзей… В общем, на кого угодно, кроме него самого. Так что из брака с успешным бизнесменом и подающим надежды политиком моя мать вышла с крохотной двушкой на окраине Москвы и несколькими сотнями тысяч рублей в кармане.

Не густо, согласитесь?

Правда, потом, через несколько лет, батя одумался. Вспомнил, что у него есть сын, начал задаривать меня дорогими игрушками и всячески инициировать общение. Но было уже поздно.

Доверие, как и второй носок из пары, очень легко проебать.

– Зачем ты его слушаешь? – нахмурившись, кошусь на мать.

– Мне интересно, что он говорит, – отвечает простодушно.

– Ересь он говорит, – раздражаюсь я, забирая из ее рук пульт и нажимая на красную кнопку. – Будто за всю жизнь он мало лапши тебе на уши навешал.

Мама отводит взгляд в сторону, и в повисшей тишине снова раздается ее тихий и приглушенных вздох.

Я знаю, что порой бываю резок, но все, что касается бати, адски меня триггерит. Терпеть не могу этого подонка. Прямо на дух не переношу.

– Да, наши с Ренатом отношения не задались, – немного помолчав, роняет родительница, – но, несмотря на это, он по-прежнему твой отец.

– Нафиг мне такой отец не сдался, – отхлебнув чаю, качаю головой. – У меня есть ты, и этого вполне достаточно.

– Он тебе не звонил? – мать вскидывает на меня взгляд, полный надежды.

На секунду подвисаю, мысленно взвешивая все «за» и «против», а затем коротко трясу башкой и уверенно отсекаю:

– Нет. Ни разу.

Это ложь. Батя названивает регулярно.

Чего хочет? В душе не ебу. И не имею ни малейшего желания погружаться в детали.

Он свой выбор сделал много лет назад, а сейчас я делаю свой. И он, разумеется, не в его пользу.

Глава 6. Везучий мальчик и невезучая девочка.

Дина

– Динчик, привет! Тебя ждать сегодня в гости? – из динамика доносится бодрый голос моей подруги Ариадны. – Мы с ребятами будем в Мафию играть.

– Ари, извини, но сегодня без меня, – испытывая смесь смущения и сожаления, отзываюсь я. – Никак не получится вырваться.

– Опять работа? – догадывается она.

– Ага, – со вздохом.

– Но ведь сегодня воскресенье! Неужели у тебя совсем нет выходных?

– Люди проводят праздники в основном по выходным, – пожимаю плечами. – Поэтому для меня это самые настоящие будни.

– Это несправедливо!

– Ну… Как есть. Я ведь сама выбрала эту работу.

Я люблю Ари. И очень дорожу нашей с ней дружбой. Потому что, в отличие от меня, она яркая, уверенная, амбициозная. Общаясь с ней, я тоже заряжаюсь этой витальной энергией и становлюсь чуточку лучше. А еще, несмотря на

свою популярность, она очень земная и эмпатичная. Умеет слушать и сопереживать.

Однако в одном мы с ней совершенно не сходимся: Ари любит жить на широкую ногу, что совершенно естественно при ее финансовом благосостоянии. Праздники, тусовки, регулярные вылазки в свет и шумные посиделки с друзьями – это все про мою активную подругу.

Вот только я сделана совсем из другого теста. Мои родители не богачи, я не живу в роскошном замке, и моя зарплата даже близко не сравнится с доходами, которые Ари получает от своего блога в Интернете.

Словом, мы с ней находимся на разных социальных ступеньках. Ари – богиня, которая вертится перед камерой, демонстрируя миру свою красоту. А я – простая трудяга, вынужденная развлекать чужих детей в потрепанном костюме лесной феи.

Это ни в коем случае не претензия и не жалоба. Просто констатация факта, о котором Ари периодически забывает.

– Ну ла-а-адно… – расстроенно выдыхает подруга. – Но нам будет тебя не хватать.

– Верю, – улыбаюсь, чуть крепче сжимая мобильник. – Увидимся завтра в институте.

– До встречи. Пока.

Спешно прячу телефон в рюкзак и возвращаюсь в основной зал, где вовсю идет празднование пятилетия Наташеньки, миленькой девочки с забавными кудряшками на лбу.

Прокашливаюсь и шагаю к детям, вживаясь в образ:

– А теперь, дорогие гости колдовского леса, я предлагаю вам заглянуть в мой волшебный мешочек! Здесь у меня хранится древняя карта, которая поможет нам отыскать потерянные сокровища Верховного Чародея!

Заинтригованная ребятня подбегает ко мне, и я с максимально таинственным видом принимаюсь расшнуровывать холщовый мешочек, в котором хранятся разноцветные пайетки (это вроде как волшебная пыль) и схема зала.

– Ты не настоящая фея, – со скепсисом выдает пухлый мальчик по имени Миша, довольно больно ткнув меня пальцем в бок. – И волшебная палочка у тебя тоже не настоящая.

– Ну как же, Миша? – натужно улыбаясь, отзываюсь я. – Самая что ни на есть настоящая.

– Тогда заколдуй Данилу, – командует он, толкнув плечом худосочного мальчика, стоящего рядом. – Преврати его в крысу!

– Так нельзя, Миша, – елейно отзываюсь я. – Я же добрая фея. Я не превращаю людей в животных.

– А наоборот?

– Только если они того заслужили.

– И кого ты превращала?

– Ну, например, однажды я превратила в человека одного рыжего кота. Вон, он там сидит, видишь? – я указываю пальцем на Игоря, фотографа нашего агентства. – Рыжая шевелюра до сих пор осталась.

– Реально?! – удивляется легковерный Данила.

– Ну конечно, – сочиняю, не моргнув глазом. – В полнолуние он до сих пор обращается в кота. По старой памяти.

Пока Миша и Данила отправляются к Игорю, чтобы задать ему пару-тройку обстоятельных вопросов, я продолжаю развлекать девочек, которые, в отличие от мальчиков, крайне заинтересованы в том, чтобы найти сокровища Верховного Чародея.

За исключением редких шероховатостей, праздник проходит на ура. Когда анимационная программа достигает финальной точки, дети уносятся есть торт, а мама Наташи подходит ко мне, чтобы расплатиться.

Пока Игорь фотографирует именинницу и ее семью, я ухожу в подсобку, где бегло снимаю с себя костюм феи и заталкиваю его в рюкзак. Пятнадцать-двадцать минут на перерыв – и нам нужно будет выезжать на следующее мероприятие.

Просунув ступни в удобные кеды, я плюхаюсь в кресло-мешок и устало тру веки. Спасть хочется просто жутко. А все из-за Булата, который занимался развратным сексом у себя на балконе.

Этот инцидент произошел позапрошлой ночью, но перед мысленным взором до сих пор стоит сцена, где Кайсаров, стоя у окна, насаживает на себя стонущую девицу. Импульсивно, порывисто, дерзко…

Я давно заметила, что в Булате есть что-то от первобыт-

ного хищника. То ли дело во взгляде, то ли в манерах, то ли в выражении лица… Он даже любовью занимается как-то очень дико, грубо, с низменной животной похотью. Если бы это все записать на видео, то получился бы не артхаус и даже не эстетичная эротика. Получилось бы самое настоящее порно. Прямолинейное и примитивное.

Возможно, я чересчур сентиментальна, но в моей голове соитие двух людей должно происходить несколько иначе. Не обязательно с зажженными свечами и на белых простынях, но все же с элементами духовной близости и эмоционального контакта.

А что касается Булата… То для него секс – это просто секс, без какого-либо романтического подтекста. Он сам много раз говорил мне об этом. Его позиция до безумия цинична и находится где-то за гранью моего понимания.

Телефон, лежащий в рюкзаке, дзынькает. Взяв его в руки, вижу сообщение от мамы, которая интересуется моими делами. Отвечаю, что все хорошо, и уже собираюсь спрятать мобильник обратно в карман, однако в следующий миг мое внимание привлекает длинная цепочка бесшумных уведомлений из социальной сети: «LuckyBoyнравится ваша публикация».

Захожу в свой профиль и с удивлением обнаруживаю, что некий LuckyBoy поставил лайки на все мои фотографии. В прямом смысле *на все*. Не то чтобы это прям подвиг: публикаций у меня не так много, как у Ари, от силы штук трид-

цать. Но такого рода активность мне в новинку. Прежде никто не проявлял столь явного интереса к моему скромному аккаунту.

Заинтриговавшись, проваливаюсь в профиль Везучего Мальчика, но тут совсем не разгуляешься. На странице всего две фотографии, одна из которых сделана со спины. Единственный вывод, который можно сделать наверняка, – это то, что хозяин страницы – парень с русыми волосами. И что, судя по описанию в шапке профиля, он преданный фанат группы «Daft Punk».

Пока я пытаюсь разобраться, что это сейчас было, мне в личку прилетает сообщение: «Привет, Дина! Не против познакомиться поближе?»

Ну надо, даже обращение запятой обособил. Грамотей.

Открываю послание и несколько секунд раздумываю над ответом. А потом печатаю то, что кажется наиболее уместным в данной ситуации: «Привет! Поближе? То есть мы уже знакомы?»

LuckyBoy: «Не совсем. Мы из одного института».

Ого, а вот это уже интересно.

DinaNechaeva: «Правда? И на каком ты курсе?»

LuckyBoy: «На третьем. Учусь на программиста. Иногда вижу тебя на переменах, и, должен признать, ты очень красива».

Щеки вспыхивают румянцем. Мне нечасто делают комплименты, поэтому каждый из них как бальзам на душу.

DinaNechaeva: «Спасибо, мне очень приятно».

LuckyBoy: «Так как насчет того, чтобы перейти из онлайна в офлайн?»

Ну надо же, какой прыткий.

DinaNechaeva: «А как тебя зовут?»

Решаю немного потянуть время.

LuckyBoy: «Витя, 20 лет. Родился и вырос в Москве. Не курю и выпиваю только по праздникам. Есть пес по кличке Майк».

Прямо целое досье выдал.

DinaNechaeva: «А еще ты, стало быть, везучий?»

LuckyBoy: «Почему ты так думаешь?»

DinaNechaeva: «У тебя ник такой».

LuckyBoy: «А, ну да, что-то туплю».

LuckyBoy: «Буду считать себя везучим, если ты согласишься со мной пообедать».

LuckyBoy: «Что скажешь?»

DinaNechaeva: «Я сейчас на работе. Напиши мне, пожалуйста, завтра. Обсудим».

Как по мне, это хорошая формулировка. Если Витя настроен несерьезно, то он просто забудет написать. А если все же напишет, значит, можно дать нашему совместному обеду шанс. В конце концов, мне уже девятнадцать, и у меня ни разу за всю жизнь не было парня. Надо бы исправлять ситуацию.

LuckyBoy: «Понял. Тогда с нетерпением жду завтрашнего

дня».

На это его сообщение я ничего не отвечаю. Ари учила, что в общении с мужчинами надо быть слегка недоступной.

Жаль только, что мне удается практиковать этот навык исключительно в переписке с незнакомцем. Когда же дело касается Булата, я превращаюсь в ходячий антоним слова «недоступность». Говорю с придыханием, завороженно заглядываю ему в рот и соглашаюсь на все, что он предлагает.

Вспомнив о друге, я поддаюсь сиюсекундному импульсу и перехожу в его профиль. Всего пара касаний экрана пальцами – и вот я вновь попадаю в сладкую эмоциональную ловушку.

Пробирающий до мурашек хищный взгляды. Темные волосы, небрежно обрамляющие загорелое лицо. Развитые бицепсы, при виде которых меня настигает приступ аритмии.

Привлекательность Булата настолько очевидна и непререкаема, что мне хочется зажмуриться и заплакать. Ну разве можно быть настолько офигенным? Это же настоящее преступления! Пытка, которая по каким-то неведомым причинам не нарушает закон.

Скролю вниз, почти к самому началу его галереи и нахожу там снимок, который нежно люблю.

Май. Школьный стадион. Мы с Булатом стоим нарядные и, обнявшись, смотрим в камеру. «Гудбай, школа!» – гласит лаконичная подпись. Эта фотография была сделана под конец одиннадцатого класса, на выпускной. В тот день мы оба

были очень счастливы.

Наверное, глупо гордиться тем фактом, что в профиле Кайсарова это единственная фотка с девушкой, но я все равно горжусь. Ведь это доказывает, что я для него особенная. Хоть в чем-то, понимаете?

Приближаю снимок и несколько секунд пристально рассматриваю наши улыбающиеся лица. Он здесь такой юный, такой красивый и еще неиспорченный…

Вечно бы его обнимала.

Глава 7. Победитель.

Дина

Удар. Удар. Еще один удар.

Булат отлетает на несколько метров и, тяжело дыша, виснет на канатах, отделяющих ринг от зрительского зала.

Он выглядит ужасно: глаз заплыл, губы разбиты, с лица капает кровь, перемешенная с потом.

Бой без правил – это жуткое действо, лишенное каких-либо спортивных принципов, здравого смысла и человечности. Здесь люди бьют друг другу морды на потеху кровожадной публике, которая восторженно кричит и улюлюкает каждый раз, когда рестлер получает новое увечье.

Без понятия, чем руководствуются люди, приходя сюда по доброй воле. Но, наблюдая за всем этим беспределом, я мысленно прихожу к выводу, что за сотни лет цивилизации народ не так уж сильно изменился. Ему по-прежнему подавай хлеба и зрелищ.

Несмотря на измотанность и дикую усталость, Булат находит в себе силы на ответную атаку. Оттолкнувшись от ограждения, он набрасывается на своего противника и с бешеной звериной агрессией валит его на пол.

Завязывается борьба: Кайсаров сверху, парень в синих шортах – под ним. Заламывают друг другу руки, выкручива-

ют ноги, краснеют и грязно матерятся, выплескивая в воздух энергию войны и концентрированный тестостерон.

Я отвожу взгляд в сторону не в силах выдержать этой жуткой картины, а атмосфера в зале, наоборот, накаляется.

Зрители вскакивают со своих мест, брызжут слюной, бурно жестикулируют. Ими движет не просто праздный интерес – на кону их деньги. Ведь когда есть ставки, любой бой становится в разы красочнее, а его исход приобретает сакральный смысл.

Меня обдает жаром разгоряченных тел, а где-то над ухом раздается яростное:

– Давай, Булатик! Уеби его об пол! Об пол эту суку!

Я далеко не впервые присутствую на подобного рода мероприятиях, но меня всегда поражает жестокость, сокрытая в человеческих сердцах. За пределами этого зала охваченная жаждой крови толпа – уважаемые люди. Топ-менеджеры, представители шоу-бизнеса, бизнесмены, возглавляющие крупные компании.

В повседневной жизни они не проявляют ни злости, ни агрессии и внешне кажутся вполне законопослушными гражданами. Но, придя сюда, они снимают маску, которую общество вынуждает их носить, и дают волю своей безумной звериной натуре.

Булат говорит, что это хорошо. Дескать, человеку нужно место, где он может спустить пар и показать теневую сторону своей личности. Но для меня в этом есть какой-то диссонанс.

Я не понимаю, как можно любить искусство, джаз, мемы с котиками и при этом искренне наслаждаться видом чужих страданий.

Разве это не лицемерие? Или в этом и есть страшная суть человеческой природы?

Ожесточенное противостояние продолжается. Рестлерам вновь удалось принять вертикальное положение, и сейчас они боксируют, активно перемещаясь по рингу.

Я знаю, что Кайсаров хорош в борьбе. А еще у него есть пара-тройка коронных ударов. Но длительная кардио-динамика его выматывает, он теряет силы, и, кажется, именно этого добивается его противник, ритмично прыгая туда-сюда.

– Как зовут этого парня? Того, что в красных шортах? – поблизости раздается на удивление спокойный и мелодичный женский голос, который очень контрастирует с творящемся вокруг хаосом.

Поворачиваю голову, прислушиваясь. Справа от меня стоят две красивые женщины средних лет в модных длинных платьях. Их внешний вид не вызывает никаких вопросов, тут все одеты максимально празднично: мужчины в смокингах, дамы в вечерних туалетах.

И только я в обычных черных джинсах и толстовке. Потому что Булат за меня попросил.

– Это Булат Кайсаров, – отвечает ее элегантная собеседница. – Мальчик хорош, не правда ли?

– О да, – соглашается первая. – Надо будет попросить Виктора представить нас.

– Думаю, из этого ничего не выйдет, дорогая, – вздыхает вторая. – Мальчик красивый, но, увы, со скверным характером. На афтепати не остается и на контакт идет с большим трудом.

– Неужто гей?

– Не знаю. Возможно, просто принципиальный.

– Любые принципы можно искоренить деньгами, – усмехается, отпивая шампанское. – Это лишь вопрос цены.

Отключаю слух и отворачиваюсь.

Мерзко. Будто в грязи извалялась.

Все же мне никогда не понять людей из мира власти и больших денег. Каким бы сияющим и глянцевым он не был, запах идущей из нутра гнили неизбежно будет портить общее впечатление.

Я знаю, что некоторые молодые рестлеры спят с влиятельными дамами. За деньги. За покровительство. За возможность выбиться в люди.

Но Булат не такой и таким никогда не станет, потому что, несмотря на бесшабашность и несерьезное отношение к жизни, у него есть границы, которые он никогда не переступит. Даже под угрозой смерти.

– Во-о-оу! – возглас ведущего встряхивает воздух, и я поднимаю взгляд на ринг.

В этот самый момент Булат подпрыгивает и, в прыжке раз-

ворачиваясь на сто восемьдесят градусов, стремительно выносит ногу вперед. Его пятка оказывается на уровне лица соперника, а в следующую секунду мощный сокрушительный удар сбивает его с ног. Парень летит на пол, ударяется носом об прорезиненное покрытие и, очевидно, потеряв сознание, больше не поднимается.

– Дамы и господа, это был круговой удар ногой в исполнении блистательного Стального Клинка! – в каком-то неистовом экстазе вопит ведущий. – И это его абсолютная безоговорочная побе-е-еда!

Имя Булат означает «сталь», именно поэтому он взял себе такое прозвище. Это звучит брутально и устрашающе, но иногда мне кажется, что друг и впрямь выкован из стали. Причем только его мышцы, но и сердце тоже…

Парня в синих шортах, который так и не пришел в себя, уносят с ринга на носилках, а Кайсаров тем временем расхаживает туда-сюда и с ленивой грацией победителя принимает восторги, исходящие от беснующейся публики:

– Булат, мы любим тебя!

– Ты лучший!

– Я хочу от тебя детей!

Он слышит это. Упивается моментом оглушительной славы. Возвышается над миром простых смертных, раздувая свое обласканное народной любовью эго до поистине гигантских размеров.

Хищник.

Самец.

И, как показал бой, король сегодняшнего ринга.

Вынув изо рта защитную капу, Булат вскидывает вверх руки и, играя бицепсами, кричит что-то в зал. Празднует свою победу. Наслаждается ею.

Его левая ладонь сильно повреждена, и несколько капель крови, сорвавшись вниз, приземляются на край ринга. Девушка в короткой черной комбинации, стоящая рядом, замечает это и, недолго думая, собирает указательным пальцем алую жидкость. А затем вскидывает на Булата голодный вожделеющий взгляд и погружает палец в рот, со смаком слизывая его кровь.

Божечки… Какой ужас…

Оторвав внимание от чокнутой фетишистки, я вновь смотрю на Булата и на этот раз ловлю его прицельный смеющийся взор, сфокусированный на моем лице. Друг уже получил порцию одобрения от каждого, кто находится в этом зале, и теперь ждет ее от меня. Ведь он сам неоднократно говорил, что я его главная болельщица.

Вздергиваю уголки губ и поднимаю в воздух два больших пальца.

Ты, как всегда, крут. А я, как всегда, с ума по тебе схожу.

Некоторые вещи в этой жизни никогда не меняются.

Отсалютовав толпе, Булат сбегает с ринга и скрывается за дверьми раздевалки. Я тоже поднимаюсь на ноги, вешаю на плечо рюкзак и, продираясь через гущу взбудораженных

людей, держу путь на выход.

Самая сложная часть вечера позади, а впереди приятный ритуал: я буду обрабатывать Булату боевые раны и тихонько вздыхать о том, какой он потрясающий и недосягаемый…

Глава 8. Инстинкты.

Дина

– В понедельник опять будешь пугать преподавателей своими жуткими синяками, – вздыхаю я, кидая косой взгляд на Кайсарова.

Мы вышли из клуба, в котором проходил его бой, и, натянув на головы капюшоны, неспешно бредем к машине.

– Похуй, – как всегда, коротко и лаконично отвечает друг. – Главное, я снова победил.

Он достает из кармана куртки бело-голубую пачку и, раскрыв ее, цепляет разбитыми губами сигарету.

– Что произошло с тем парнем? Ну, твоим противником, – продолжаю я, обнимая себя руками. – Он пришел в себя?

– Понятия не имею, – закрыв сигарету ладонью от ветра, чиркает зажигалкой.

– И даже не интересно? Вдруг ты его убил?

– Вряд ли, – пожимает плечами, жадно вбирая в себя дым, а затем поднимает голову вверх и тонкой рассеивающейся струйкой выпускает его наружу. – А даже если так, он знал, на что идет.

– То есть тебе вообще не жалко человека, которого ты избил?

– Гусеничка, ну ты опять за свое? – Булат кидает на меня

насмешливый взгляд и снисходительно ухмыляется. – Я ведь уже объяснял, бои без правил и жалость – понятия несовместимые. Тут либо ты, либо тебя. И я предпочитаю первый вариант.

– Я понимаю, – говорю со вздохом. – Просто я переживаю за этого парня… Вдруг у него что-то серьезное?

– Ты всегда можешь вернуться в клуб и поинтересоваться его здоровьем, – отзывается иронично. – Можешь даже поехать к нему домой и всю ночь залечивать его раны. Думаю, он не откажется.

– Булат! – роняю с укором.

– Я уже девятнадцать лет как Булат, – хмыкает. – А тебе пора понемногу осваивать искусство похуизма, Дина. Нельзя принимать все так близко к сердцу.

Кайсаров снимает машину с сигнализации и, отбросив недокуренную сигарету на усыпанный редкими дождевыми каплями асфальт, забирается на водительское сидение. Я устраиваюсь рядом и сразу же пристегиваю ремень безопасности.

Булат нажимает пару-тройку кнопок на магнитоле, и вскоре пространство салона наполняется ритмичными провокационными речитативами Эминема. После боя друг всегда слушает старенький хит «Not afraid», который призывает не бояться следовать своему пути.

Откидываю затылок на подголовник и направляю взгляд в окно, за которым проносятся мрачные здания, яркие нео-

новые вывески и куда-то спешащие люди. Несмотря на поздний час, Москва бурлит энергией. Она, как и положено сердцу большой страны, никогда не стихает, не останавливается и беспрестанно пульсирует.

До дома доезжаем быстро, без пробок. Булат паркует машину у своего подъезда, и, выйдя наружу, мы без лишних слов добираемся до его квартиры. Тут по обыкновению прохладно, ибо он всегда держит окна открытыми, и царит лютый бардак.

Вспомните все стереотипы, которые вы когда-либо слышали о холостяцких берлогах, а теперь помножьте их на два. Вот примерно так и выглядит жилище Булата. По центру зала висит огромная боксерская груша, по углам разбросаны пустые бутылки из-под пива и энергетиков, а постель в спальне заправляется в лучшем случае раз в неделю.

Бросив ключи на этажерку в виде бочки, друг неряшливо скидывает кроссовки и плюхается на огромный кожаный диван, а я тем временем направляюсь на кухню и достаю из верхнего ящика гарнитура аптечку, которой уже неоднократно пользовалась.

– Раздевайся, – командую я, затаскиваю коробку с бинтами и антисептиками в зал.

– Только в этот раз будь нежной, – просит Кайсаров, послушно стянув худи через голову.

Вблизи его обнаженный торс, усыпанный татуировками, кажется еще более впечатляющим, чем на ринге. Булат мно-

го времени посвящает тренировкам, и его тело является закономерным результатом приложенных усилий. Мышцы объемные, твердые и прекрасно сепарируются. На животе отчетливо виднеются кубики пресса. А крепкие жилистые предплечья вызывают бессознательное чувство доверия и защищенности.

Залюбовавшись эстетикой его тела, на миг зависаю. Затем пару раз хлопаю вдруг потяжелевшими ресницами, проталкиваю загустевшую слюну вниз по пищеводу и делаю неуверенный шаг вперед.

– Начнем с перекиси, – хриплю я, фокусируя взгляд на глубокой ссадине, которая растянулась прямо под правой ключицей.

– Как скажешь, – отзывается равнодушно. – Только давай побыстрее, лады? А то я голоден как зверь.

Принимаюсь за работу. Открываю бутылек и осторожно орошаю его содержимым рану. Вступив в реакцию с кровью, перекись тихонько шипит, а я аккуратно подтираю ватным диском стекающие по груди Булата капли.

Аромат его тела забивается в ноздри и будоражит. В нем смешались запахи терпкого мужского парфюма, пота, крови и табака. Головокружительное сочетание. Яркое, маскулинное, наполняющее воображение запретными образами…

Я довольно часто вижу Булата без футболки, но каждый чертов раз мой организм реагирует на него подобным образом: пульс учащается, в голове начинает пьяно шуметь, а ла-

дони схватываются постыдной дрожью.

Пока я обрабатываю его раны и борюсь с собственными взбунтовавшимися инстинктами, Кайсаров абсолютно безучастно зависает в телефоне. В отличие от меня, наша физическая близость не вызывает в нем никаких эмоций, поэтому внимание друга полностью сосредоточено на развлекательных рилсах, которые он лениво листает.

На самом деле я уже привыкла. К тому, что не привлекаю его как девушка. К тому, что в определенные моменты жизни я для него далеко не на первом месте. К тому что он без всяких объяснений может куда-то сорваться и вернуться обратно со здоровенным засосом на шее.

Такова модель наших с Булатом отношений. Он – лидер, звезда, бунтарь. А я – его верный друг, который оказывается рядом всегда, когда ему это необходимо.

Возможно, со стороны это выглядит жалко. Возможно, во мне недостаточно силы и гордости, о которых так много говорят последовательницы феминизма. Но проблема в том, что я попросту не могу иначе. Уж лучше присутствовать в жизни Булата эпизодически, чем вовсе потерять его.

Глава 9. Просто друг.

Булат

– Какую пиццу ты хочешь? – спрашиваю у Дины, которая с почти материнской заботой обматывает бинтом мою пострадавшую в бою руку. – Пеперони? Или сливочную с креветками?

– Мне без разницы, – отзывается она, не отрывая взгляда от моей ладони. – Закажи на свой вкус.

Добавляю в корзину обе – и Пеперони, и с креветками – и нажимаю кнопку «оформить заказ». Обычно после боев меня пробивает на адский жор, поэтому лишним точно не будет.

Сворачиваю окно браузера и захожу в соцсеть. Уже который вечер подряд я зависаю в профиле Глории и по сотому кругу просматриваю ее ленту. Вчера я даже дрочнул на ее фотки. Дважды. Ну потому что она охуенно красива! И сиськи, и жопа, и кукольное личико – все при ней.

Главная проблема заключается в том, что подобраться к этой цыпочке, оказалось не так просто, как я рассчитывал. Она не реагирует на провокации и не отвечает на сообщения. Полный игнор.

И это дико меня бесит.

Не сочтите за бахвальство, но я привык, что бабы сами

прыгают в мою постель. С радостью и энтузиазмом. А тут не то что секса – даже взгляда урвать не получается. Глория отгородилась от меня непроницаемым щитом и не выдает ни одной эмоции, зацепившись за которую я бы мог раскрутить наше общение.

Вчера был в «Vanilla Bull». Вновь смотрел ее выступление и караулил у гримерки. И знаете что? Ни хрена мне перепало! Прошла мимо с покерфейсом и захлопнула дверь прямо перед моим носом.

Я, конечно, психанул, ворвался внутрь без приглашения, нагородил всякой вызывающей хуйни, а она так равнодушно и скучающе: «Ты меня уже утомил, Булатик. Будь добр, покинь помещение».

Короче, не получается пока. Долблюсь башкой о стену – а результата ноль. И оттого мой интерес к этой красивой спесивой суке возрастает день ото дня. Ведь чем больше нельзя, тем сильнее хочется.

– Ну вот, вроде все, – роняет Дина, завязывая бинт красивым бантиком. – Больше ничего не беспокоит?

– Кажется, нет, – зевнув, почесываю щеку. – Спасибо тебе, Гусеничка.

– Не за что, Булат.

Динка улыбается, и на ее смуглых щеках появляются ямочки. Милые такие, трогательные. Она вообще прелесть. Добрая, ласковая, готовая всегда прийти на помощь.

Мы с Нечаевой общаемся с детства, и за все эти годы я

убедился в том, что она по-настоящему классный друг. Ничуть не хуже, чем мои пацаны.

Разумеется, с ней нельзя обсуждать телок и прочие аспекты «взрослой» жизни, но зато она с удовольствием слушает мои не шибко умные рассуждения о политике, здорово помогает мне по учебе и следит за тем, чтобы мой желудок не загнулся от алкоголя и фастфуда.

Я в свою очередь тоже стараюсь быть ей если не отличным, то, по крайней мере, неплохим другом. Подвожу Динку в универ, отпугиваю от нее всяких зубастых стерв и скрепя сердце составляю ей компанию в просмотре слезливым мелодрам, от которых она люто тащится.

Например, в прошлом месяце у нас в программе был фильм «50 первых поцелуев». Дичь редкостная, но я вытерпел. На что только не пойдешь ради дружбы.

Дина закрывает аптечку и уносит ее обратно на кухню, а я возвращаю внимание к экрану мобильника. Два часа назад Глория выложила новую публикацию. Она спортивном костюме. Сидит на диване, скрестив ноги по-турецки, и с улыбкой смотрит в камеру.

Вроде бы ничего необычного, но по необъяснимым причинам меня завораживает этот снимок. Я рассматриваю его уже около минуты и подмечаю все новые и новые детали: черную кошку, притаившуюся на подлокотнике дивана, пушистые тапочки, стоящие на полу, забавную плюшевую резинку, которой Глория собрала волосы в хвост. Здесь она ка-

кая-то нежная, хрупкая, домашняя…

Совсем не та самоуверенная дива, которую я наблюдал на сцене в клубе.

«Так идеально может выглядеть только нечистая сила», – быстро пишу комментарий и нажимаю «отправить». На фоне восторженных од, которые строчат ей другие фолловеры, он выглядит дерзко и нагло, но мне это на руку.

Опыт взросления научил одному важному правилу: с хорошими парнями девчонки только дружат, а трахаются – всегда с плохими.

– Скоро пиццу привезут? – Дина садится рядом со мной на диван и подтягивает к груди колени.

– Минут через десять, думаю, – отзываюсь я. – Проголодалась?

– Да, немного, – кивает. – Надо быстрее поесть и браться за домашку. Завтра ведь семинар по экономике.

– Ой, бля… – я блокирую мобильник и, отложив его в сторону, вытягиваю ноги. – Что-то я так заебался с этой учебой…

– Да ты и так учишься вполсилы, – бросает с насмешливым укором. – Когда успел устать-то?

Да, кстати. Дина не ругается матом. Вообще. И на каждое матерное слово у нее в арсенале есть порядка десяти приличных синонимов. Вон, как лихо она заменила простое и понятное «заебался» на нейтральное «устал».

– Задают до хрена, – ворчу я. – И эти постоянные кон-

трольные…

У Динки в кармане пиликает телефон, и, отвлекшись на него, она никак не комментирует мое нытье. Берет гаджет в руки, а в следующую секунду на ее губах появляется легкая блуждающая улыбка.

Широко открываю рот, вновь поддаваясь одолевающей меня зевоте, и вдруг ловлю себя на мысли, что у Гусенички очень симпатичный носик. Маленький, с забавно вздернутым кончиком, как у какого-то мультяшного персонажа. Раньше я особо не замечал, что у нее очень правильные и гармоничные черты, а сейчас как-то в глаза бросилось…

– Кто пишет? – интересуюсь я, подкладывая под голову диванную подушку.

– Да так… Никто…

А у самой глаза блестят. И улыбка с лица не сходит.

– Нет, серьезно, – настаиваю, ощущая ленивое любопытство, – кто?

– Да никто, Булат! – отвечает, пожалуй, слишком эмоционально. – Просто друг…

– Друг?.. – тяну я, пытаясь осознать услышанное.

А потом подрываюсь с места и ловко выхватываю у нее мобильник.

– Отдай! – взвизгивает Динка, пытаясь вернуть пропажу.

Но мне ее возня – как слону укус комара.

Удерживая пищащую подругу на расстоянии вытянутой руки, ныряю взглядом в ее переписку с каким-то белобры-

сым типом.

LuckyBoy: «Как насчет Якитории на Арбате? Я надеюсь, ты любишь роллы?»

DinaNechaeva: «Люблю».

LuckyBoy: «В таком случае я забронирую нам столик у окна. В центре зала обычно слишком шумно».

DinaNechaeva: «Хорошо».

LuckyBoy: «Во сколько увидимся? Часов в восемь или попозже?»

DinaNechaeva: «В восемь вполне подойдет».

– Булат! – возмущенно кряхтит Гусеничка, пытаясь отпихнуть мою руку и приблизиться хотя бы на шаг. – Это бессовестное вторжение в мою частную жизнь!

– Частную жизнь? – подхватываю со смехом. – Так ты, значит, на свидание собралась?

Подбрасываю ее мобильник, и она проворно ловит его в воздухе.

– Даже если так, то что?! – спрашивает с вызовом, опасливо пряча гаджет обратно в карман.

А в карих глазищах молнии сверкают. Прямо одна за другой.

– Да ничего, – пожимаю плечами. – Просто я удивлен, что ты ведешь такую бурную социальную жизнь и ничего мне про это не рассказываешь.

– Ты мне тоже ничего не рассказываешь!

– Ну так хочешь, расскажу? – заявляю с азартом. – Пару

недель назад я с такой охрененной….

– Не надо, прошу! – прерывает, яростно качая головой. – Я это просто так ляпнула…

– Ну и кто этот мальчик-удача? Откуда ты его знаешь? – не унимаюсь я.

– А тебе какое дело? – все еще хорохорится.

– Банальное дружеское любопытство, не более того, – примирительно поднимаю ладони в воздух, как бы демонстрируя, что я не преследую никаких дурных намерений.

Окинув меня оценивающим взглядом, Дина немного смягчается. Вздыхает. Заправляет выбившиеся из хвоста кудряшки за ухо и гораздо спокойнее говорит:

– Его зовут Витя. Он учится в нашем институте.

– Витя, – повторяю я, будто пробуя это имя на вкус. – Помнишь, раньше песня такая была? Остановите! Остановите! Вите! Вите надо выйти… – горланю я, отбивая ритм ладонью на коленке.

– Булат! – мне в морду прилетает диванная подушка.

– Чего? – со смехом. – Прикольная же песня!

– Ты, как всегда, в своем репертуаре! – Динка обиженно сводит брови к переносице и скрещивает руки на груди.

– Да ладно, я ж шучу, – легонько толкаю ее в бок. – Колись, Гусеничка, у вас с Витей уже был секс?

– Отстань!

– Ну или хотя бы поцелуй? Он уже обласкал своим длинным языком твои нежные гланды?

– Фу, Кайсаров! – подруга морщится. – Почему ты такой мерзкий?!

– Открою тебе секрет, малышка: все мужики мерзкие, – ржу я, вновь принимая полугоризонтальное положение на диване и закидывая руки за голову. – И все хотят затащить тебя в койку.

– Неправда! Витя не такой!

– У него есть член?

– Что?!

– Я к тому, что, если у него есть член, он точно хочет этого. Без вариантов.

– Мы даже не целовались, раз уж тебя это так волнует! – выпаливает.

– М-м-м… Как неинтересно.

– Но завтра у нас будет первое свидание!

– Свидание? Воу-воу, притормозите, ребята! – хохочу я. – Куда так разогнались-то?

– Все, – выдает обиженно. – Заткнись.

Дина поджимает губы и демонстративно отворачивается в сторону. Дышит тяжело и часто. Вот-вот пар из ушей повалит.

Протягиваю руку и легонько касаюсь ее плеча кончиками пальцев. Дергается в сторону, как от удара током. Ерепенится. Даже притронуться нормально не дает.

Блин… Неужто я перегнул парку? Переборщил с шутками?

– Гусеничка, ну извини, – вздыхаю, выдержав небольшую паузу. –Ты же знаешь, меня иногда заносит…

Молчит. Дуется. Взгляд по-прежнему в стену направлен.

– Ну, может, твой Витя и впрямь не такой, – сдаю еще одну свою позицию. – Не у всех же мужиков мозги в штанах…

Дина понемногу оттаивать начинает. Ее плечи расслабляются, а поворот головы становится не таким категоричным.

– Я даже рад за тебя, – продолжаю. – Свидание – это и впрямь круто.

– Я знаю, что его приглашение, по большому счету, ничего не значит. Может, мы вообще не сойдемся характерами или банально не понравимся друг другу, – она оборачивается и наконец отвечает на мой взгляд. – Просто знаешь… Мне приятно, что на меня обратили внимание. И я хочу весело провести этот вечер.

– Конечно, – соглашаюсь. – Ты этого на сто процентов заслуживаешь.

– Спасибо, Булат, – роняет тихо.

Какое-то время я молча таращусь в ее огромные широко распахнутые глаза цвета свежесваренного кофе, а затем уютную тишину комнаты нарушает пронзительный писк домофона.

– Пиццу принесли, – провозглашаю я, поднимаясь на ноги и устремляясь в коридор. – Поставь пока чайник, плиз. И пиво из холодильника вынь.

– Хорошо, – отзывается Дина.

Оставляю курьеру пару сотен на чай и затаскиваю две большие картонные коробки на кухню.

– М-м-м… Как вкусно пахнет, – тянет она, убирая со стола грязную посуду и вытирая его поверхность влажной тряпочкой.

Садимся друг напротив друга. Открываем коробки и начинаем трапезу. Динка пьет свой любимый травяной чай, я медленно потягиваю пиво из запотевшей банки, и наш привычный дружеский треп льется рекой. Мы оживленно обсуждаем сегодняшний бой, занудных институтских преподов и грядущий день рождения нашего общего друга.

Напряга между нами как не бывало. Недопонимания – тоже.

Все-таки те, кто говорит, что дружбы между мужчиной и женщиной не бывает, – полные идиоты. Потому что мы с Гусеничкой живое тому опровержение.

Столько лет общения – и ни единого срыва, ни одной крупной ссоры. Мне с ней по кайфу, ее тоже все устраивает. Это ли не идеальная формула отношений?

Глава 10. Свидание.

Дина

– Так, значит, ты подрабатываешь аниматором? – уточняет Витя, когда, приняв заказ, официант оставляет нас наедине.

– Да, в основном мой профиль – детские праздники, – отвечаю я, немного смущенно ковыряя пальцем уголок салфетки. – Но иногда я выступаю и на мероприятиях для взрослых.

– Правда? – в его голосе звучит неподдельная заинтересованность.

– Ты удивишься, но в последнее время люди очень любят костюмированные вечеринки. Нанимают аниматоров и сами одеваются в определенном стиле. По их словам, это создает особое настроение.

– Ну и ну, – усмехается. – Никогда не слышал о таком.

– Порой это бывает очень даже весело, – пожимаю плечами.

– Ты молодец, что стремишься к финансовой независимости, – роняет одобрительно.

На самом деле до независимости мне еще далеко. Несмотря на наличие подработки, мне все равно приходится брать деньги у родителей. Как правило, у мамы, потому что ее новый муж довольно неплохо зарабатывает.

Папа тоже порывается помогать, но его зарплаты едва ли хватает на покрытие собственных расходов. Он у меня музейный работник, поэтому, сами понимаете, тут особо не разгуляешься.

Когда родители развелись, папе пришлось искать себе новое жилье, потому что в годы брака они обитали в маминой квартире, доставшейся ей по наследству. В той самой, в которой сейчас живу я.

Сбережений у отца не было, так что поначалу пришлось снимать. Потом в Сызрани умерла бабушка, и, продав ее дом, папа смог скопить на первоначальный ипотечный взнос. Теперь он живет в своей квартире, за которую ему предстоит расплачиваться ближайшие тридцать лет.

После расставания родителей я жила с мамой, а через какое-то время она неожиданно познакомилась по Интернету с мужчиной по имени Дмитрий. Пару раз летала к нему на Сахалин, пару раз приглашала его к нам, в Москву, а через год отношений, заявила, что они с Димой женятся и она переезжает к нему в Южно-Сахалинск.

На тот момент я уже поступила в институт, поэтому было принято решение, что мама уедет к будущему мужу без меня. Собственно, так я и стала единственным жильцом нашей уютной двушки.

– Ну а ты? – я вскидываю на Витю робкий взгляд. – Чем занимаешься в свободное от учебы время?

– К сожалению, свободного времени не так много, как хо-

телось бы, – хмыкает он. – Но я шабашу на фрилансе. Делаю сайты и лендинги для Интернет-магазинов, иногда пилю простенькие приложения.

– Ого… Звучит интересно.

– На самом деле не очень, – он проводит рукой по светло-русым волосам. – Но для меня это практика, да и копейка какая-никакая капает. Поэтому я копошусь потихоньку. Но в мечтах у меня – свой большой амбициозный проект.

– Да? И что же это будет?

– Идей много, но они пока не приняли какую-то конкретную форму. Я пробую, экспериментирую, ищу тебя. Программирование – в сущности, то же творчество. Полет фантазии практически не ограничен.

Витя много рассказывает про свою жизнь, учебу и планы на будущее. У него хорошая речь, приятная мимика и белозубая улыбка. Вот только мне никак не удается отделаться от идиотской мысли о том, что для его комплекции у него слишком маленькие руки. Я имею в виду ладони. Они довольно узкие и… совсем не мужественные. Думается, если Витя сожмет кулак, едва ли он будет больше моего…

Знаю-знаю, это полный бред! Какая разница, какого размера у него руки?! Главное, чтобы с мозгами все было в порядке, а остальное, как говорится, приложится. Но эта незначительная, казалось бы, деталь упорно цепляет мое внимание на крючок.

Руки-руки-руки…

Блин! Как перестать циклиться на этом?!

Вот у Булата, например, невероятные ладони... Крупные, широкие, с эстетичной проступью вен. Пальцы ровные, в меру длинные, с небольшими белыми шрамиками на костяшках…

Честно? Я никогда не видела более красивых мужских рук, чем у Кайсарова. Еще у моего приятеля Марка Гассена симпатичные, но он пианист, с ним все понятно.

А у Булата руки воина. При взгляде на них сразу считывается сокрушительная сила, которая подчиняет себе все вокруг. Наверное, когда эти руки сжимают твою грудь или шею, ты сразу чувствуешь себя покорной и согласной на все...

Может, именно поэтому у Булата так много женщин?..

Так, Дина, стоп! При чем тут Булат?! Ты сидишь на свидании с симпатичным парнем в хорошем кафе и опять какого-то черта размышляешь о своем недосягаемом друге и его руках!

Разве это не тупость?! Не верх безумия?!

Пора бы уже уяснить, что Кайсаров никогда, слышишь, никогда не будет твоим! Поэтому нужно сосредоточиться на более реальных вариантах!

– Хочешь попробовать мои роллы? – дружелюбно интересуется Витя, когда нам приносят заказ.

– Давай, – соглашаюсь. – А ты попробуй мои.

Еда оказывается действительно вкусной, и на сытый же-

лудок наш разговор идет еще оживленнее.

– Не сочти за бестактность, но я давно хотел спросить, – отпив немного чая, произносит Витя, – кому ты обязана своей экзотической красотой? Маме или папе?

Этот вопрос (и менее вежливые его вариации) я слышу довольно часто. Окружающих волнует, почему у меня такая смуглая кожа и кудрявые волосы. Ведь, говоря по правде, я больше похожа на какую-нибудь мексиканку или бразильянку, чем на русскую.

– Маме, – с улыбкой отвечаю я. – А если быть совсем точной – бабушке. Она была родом из Гаваны. А мой дедушка, советский инженер, приехавший на Кубу для обмена опытом, влюбился в нее с первого взгляда.

– Вот это я понимаю: история любви, заслуживающая экранизации, – восхищенно тянет Витя.

– Вообще-то так и есть. Родители дедушки – воспитанная в суровых советских реалиях интеллигенция – крайне негативно отнеслись к его намерению жениться на темнокожей иностранке. Она ведь даже русского языка толком не знала! Но дедушка был непоколебим. Их с бабушкой любовь оказалась сильнее всех преград, и благодаря этому на свет появилась моя мама. А потом и я.

– Ты когда-нибудь была на Кубе?

– Да, однажды, – киваю. – Это была потрясающая поездка. Я привезла с собой баночку грунта из Гаваны, и теперь он занимает почетное место в моей коллекции.

– Что? – Витино лицо недоуменно вытягивается. – Я не ослышался? Ты упомянула грунт?

– У меня есть хобби, – слегка тушуясь, признаюсь я. – Я коллекционирую грунты из классных мест, в которых когда-либо бывала. Собираю землю в небольшую пластиковую колбочку и везу домой. Для меня это возможность в любой момент соприкоснуться с дорогими сердцу воспоминаниями. Знаю, это может прозвучать глупо, но…

– Нет-нет, ничуть, – спешит заверить Витя. – Это не глупо, а наоборот… Масштабно и необычно. Да и ты сама очень-очень необычная, Дина. Я смотрю на тебя и понимаю, что не ошибся. Изначально ты понравилась мне внешне, но внутри ты даже интереснее, чем снаружи.

– Правда?

Его слова ванильным сиропом растекаются по сердцу. Никто и никогда не делал мне таких приятных комплиментов.

– Чистейшая, – отзывается, пристально глядя мне в глаза. А затем вдруг загадочно улыбается чему-то своему и с надеждой добавляет. – Закажем десерт? А потом, если хочешь, можем немного прогуляться по парку…

На вечер у меня запланировано много дел: надо подготовиться к тесту по уголовному праву, выучить речь для завтрашнего рабочего мероприятия, прибраться дома. Но, несмотря на это, я вздергиваю уголки губ и совершенно уверенно отвечаю:

– С удовольствием.

Глава 11. Ты просто недоразумение.

Булат

– Какие люди в Голливуде! – насмешливо роняю я, заметив в стенах нашей випки Марка Гассена.

После того, как друг закрутил роман со своей сводной сестрой, его практически не видно в клубе. Рыжеволосая ведьма основательно охомутала парня, и теперь он проводит вечера только с ней. Но сегодня, похоже, что-то пошло не по плану.

– Чем обязаны удовольствию видеть твою бледную рожу в столь поздний час? – плюхаюсь на диван и выхватываю у Марка кальянную трубку. – Неужто Ари слегка ослабила поводок и разрешила тебе тряхнуть стариной?

– Ты не боишься, что однажды за твой длинный язык тебе крупно прилетит по щам? – лениво огрызается он.

– Уже много раз прилетало. И не только по щам, – хмыкаю. – Но, как видите, я все равно бодр, свеж и красив как Аполлон.

– Он ведь не шутит, – усмехается Демид, услышавший наш с Гассеном треп. – Реально считает себя альфа, мать его, самцом.

– Да, моя самооценка настолько высока, что вы сосете у нее, стоя, – весело отзываюсь я. – Но что в этом плохого?

– Ты в курсе, что у Аполлона был крошечный пенис? – окатив меня саркастичным взглядом, Марк показывает между большим и указательным пальцем небольшое расстояние. – Сантиметров этак пять, не больше.

– Ну тогда Булат реально Аполлон, – угорает зараза Южаков.

– Завали, – отмахиваюсь я. – Ты знаешь, что с моим пенисом все в порядке.

– Откуда мне это знать? Я ж не телка!

– Кстати о телках, – Гассен откидывает со лба черную прядь волос и слегка сощуривает глаза. – Ходят слухи, что ты, Булат, запал на здешнюю певичку?

– Ну, может, и запал, – признаюсь нехотя, наливая себе еще вискаря.

– Не дает? – спрашивает сочувственно.

– *Пока* нет, – делаю интонационный акцент на первое слово. – Но я над этим работаю.

– А что, если я скажу, что знаю ее?

Моя рука, сжимающая щипцы для льда, замирает над столом, а взгляд капканом вгрызается в лицо Марка.

– Что значит «знаешь»? – уточняю подозрительно.

Очень надеюсь, что он ее не трахал. Потому что «донашивать» девку за другом – как-то не по понятиям.

– Знаком, – успокоив меня, поясняет Гассен. – В школь-

ные годы мы с Глорией вместе учились в музыкалке.

– Да ну? – во мне просыпается живое любопытство. – И что ты можешь о ней поведать?

– Она неглупа и довольно амбициозна. Выросла в неполной семье. И, судя по парням, с которыми она мутила в школе, ты совершенно не в ее вкусе.

– Что, блядь?! – хмурюсь.

– И тут самооценка нашего Аполлона пала на одно колено, – ехидно вставляет Юг.

– Что ты имеешь в виду? – допытываюсь, не обращая внимания на шуточки Демида. – Почему не в ее вкусе?

– Ей нравятся типаж нервического интеллектуала, а ты, скорее, пещерный человек.

– Нервические интеллектуалы? – его слова вводят меня в ступор. – Это кто, черт возьми, такие?

– А это как наш Гассен, – отзывается Демид, с аппетитом поглощая стоящие на столе закуски. – Задумчивый, утонченный, с необъяснимой тоской во взгляде…

– Ты реально так меня видишь? – Марк переводит недоуменный взгляд на Южакова.

– Ну да, – тот перестает жевать. – А что, не так, что ли?

– Блядь, Гассен, ты несешь какую-то херню! – я начинаю злиться. – Как эта инфа поможет мне затащить Глорию в постель?

– По субботам она поет в баре «Легенда» на Цветном, – он невозмутимо подливает себе воды. – Там довольно камерная

атмосфера, располагающая к общению.

– Вот так бы сразу! – вскакиваю на ноги и принимаюсь натягивать куртку. – А то типажи какие-то, интеллектуалы…

– Эй, ты куда намылился? – вскидывается Южаков. – Мы же планировали затусить до утра!

– Сори, брат, но я уже неделю не трахался. Яйца скоро лопнут.

Салютую друзьям на прощанье и, сбежав по длинной винтовой лестнице, покидаю «Vanilla Bull».

Дорога до «Легенды» занимает чуть больше тридцати минут и, выпрыгнув из такси, я придирчиво оглядываю вывеску бара. Блекло и неказисто, но это еще ни о чем не говорит. В случае с питейно-развлекательными заведениями важно не то, что снаружи, а что внутри.

Фейсер, стоящий у входа, мажет по мне быстрым оценивающим взглядом и без лишних слов распахивает дверь. Оставляю куртку в гардеробе и прохожу в основной зал, где играет приятная джазовая музыка.

Марк оказался прав, обстановка тут и впрямь камерная. Столики стоят очень близко друг к другу, а при взгляде на многочисленную публику создается впечатление, что они все давным-давно знакомы.

Внезапно мой блуждающий взор цепляется за край барной стойки, расположенной на другом конце зала. Светлые волосы, серебристое платье, бесконечно длинные ноги – Глория сидит на высоком стуле и, попивая коктейль из мартин-

ки, о чем-то мило болтает с барменом.

Сука, какая же она сексуальная! От одного только вида ее обнаженных загорелых плеч в паху становится тяжело и тесно…

Провожу пятерней по волосам, зачесывая их назад, и направляюсь к ней. Подхожу сзади и, нависнув над ее ухом, полушепотом произношу:

– Помнишь меня?

По телу девушки пробегается дрожь. Мягкая кожа едва заметно покрывается мурашками.

– Иди к черту, – цедит, не оборачиваясь.

– По-о-омнишь, – тяну самодовольно.

А затем сажусь на соседний стул и даю команду бармену сделать мне Негрони.

– Как ты узнал, что я здесь? – спрашивает Глория, глядя исключительно в свой бокал.

– У меня очень развита интуиция, – пожираю глазами ее сочные пухлые губы.

– Лжец.

– Не веришь?

– Ни единому слову.

Я чувствую, что в моем присутствии она обернулась в плотную непроницаемую скорлупу. Пока общалась с барменом, ее ступня, обутая в элегантную босоножку, весело покачивалась, а на губах блуждала непринужденная улыбка.

Сейчас же Глория напоминает черепаху, спрятавшуюся в

панцирь. Сосредоточенная, колючая, напряженная.

Неужели это я на нее так влияю? Может, Гассен снова оказался прав, и мои подкаты для нее действительно слишком примитивны?

– Зря, – хмыкаю. – Я перед тобой максимально искренен.

– Чего ты добиваешься? – Глория наконец поворачивает голову, и ее презрительный взгляд касается моего лица. – Хочешь свести меня с ума своим неподражаемым шармом?

– С ума свести не обещаю, но глазик дернется, поверь, – озорно подмигиваю ей.

Она закатывает глаза, бормоча что-то вроде «придурок».

Хотя могло быть и «красавчик», кто знает.

– Давай начистоту, – я придвигаюсь к ней чуть ближе. – Я втюрился в тебя. С первого, сука, взгляда. Увидел – и поплыл. Думал ли я, что так бывает? Нет. Хотел ли я этого? Боже упаси. Но это случилось, Глория. Я одержим тобой.

– Ты одержим мной или желанием затащить меня в койку? – недоверчиво заламывает бровь.

– Определенно, первое, – отвечаю, и глазом не моргнув. – Хотя не буду лукавить, от второго бы тоже не отказался.

– Я знаю таких, как ты, Булат, – продолжает она. – Самовлюбленные павлины, думающие, что мир лежит у их ног. Но вот тебе новость, дружок: накаченные бицепсы и перманентно стоящий член вовсе не делают тебя крутым.

– Нет?.. – изображаю удивление.

– Не-а.

– А что тогда?

– Был бы ты чуть поумнее… Чуть осознаннее и скромнее, у тебя, возможно, был бы шанс.

– Но я не тупой.

– Нет, но ты легкомысленный, – отпивает немного коктейля. – А для мужчины это крайне негативное качество.

– А если ты ошибаешься? – скрипя стулом, я снова сокращаю расстояние между нами.

– Не думаю.

– А если? – настаиваю.

– Булат, я…

Нервы не выдерживают. Желание берет верх над разумом.

Подаюсь вперед и нарываю ее губы своими. Пылко, порывисто, грубовато.

Глория дергается назад, но я не позволяю ей выскользнуть из моего плена: обхватываю рукой затылок и заставляю ее чуть шире раскрыть рот. Так, чтобы мой язык мог беспрепятственно проникнуть внутрь.

О да…

Она стонет, пытается отпихнуть меня руками, но я лишь сильнее вжимаюсь в ее грудь своей. Поедаю ее губами, слизываю пряный вкус ее кожи, путаюсь пальцами в ее густых шелковистых волосах…

Протест стихает. Она перестает биться в моих руках, словно пойманная в клетку птица, и наконец отвечает на поцелуй. Сначала несмело и осторожно, потом все более чув-

ственно и экспрессивно.

Сосемся так, что дыхание перехватывает. Ее ладони на моих щеках, мои руки на ее спине. Ударяемся зубами. Стонем друг другу в рот. Обмениваемся слюнями с каким-то поистине зверским вожделением…

Охуенная девочка. Адски ее хочу.

– Ну все, хватит…

Глория выныривает из омута страсти и, тяжело дыша, накрывает пальцами истерзанные поцелуями губы.

– Тебе ведь понравилось, – заявляю я, ощущая как ширинка буквально лопается от сексуального напряжения.

– Да, это было неплохо, но…

– Но что?

– Но мне пора.

С этими словами она соскакивает со стула и, прихватив сумочку, спешно семенит на выход.

Что, блядь?! Какого черта?! Ведь буквально пять секунд назад все было хорошо! Я бы даже сказал, идеально!

– Эй, ты куда? – бегу за ней.

Ничего не отвечает. Припустила так, что хрен догонишь.

– Стой! – цепляю ее за запястье и разворачиваю к себе лицом. – Объясни, куда ты мчишься?!

– Я ухожу! – выдергивает руку из моих пальцев и возобновляет побег.

– Но… Почему? – ни хуя не понимая, снова ее преследую.

– Потому что меня ждут!

Подлетает к гардеробу и, стащив с вешалки кожаный плащ, суетливо просовывает в него руки.

– Кто ждет? – не отстаю я. – Почему ты такая странная?..

– Пока, Булат, – огрызается она. – Забудь о том, что было, понял? И больше мне не пиши!

– Да по-че-му?! – ору уже во всю глотку.

– Потому что у меня есть парень, и я его люблю, ясно?! – припечатывает зло. – А ты… Ты просто недоразумение, которое случилось со мной по глупости.

Застываю на месте как вкопанный. Чувствую, как ярость, кипящая внутри, потихоньку испепеляет внутренности.

Твою мать… Как же неприятно…

Еще никогда, слышите? Никогда меня так жестко не отбривали!

Всего две минуты назад я был на небесах, а сейчас барахтаюсь на зловонном затхлом дне. Униженный и жалкий.

Какой на хрен парень, сука?! Если ты его любишь, зачем же со мной лизалась?!

Пока я пытаюсь справиться с нахлынувшим разочарованием, Глория взбегает по ступенькам и пулей покидает бар. Ее не видно уже секунд сорок, и я вдруг осознаю, что если сейчас отпущу ее, то между нами проляжет огромная черная пропасть, которую я уже вряд ли преодолею…

Выбегаю на улицу и, задыхаясь от переизбытка эмоций, кручу головой по сторонам. Но ее нигде нет. Нигде, блядь!

Неужели упустил?

Внезапно боковое зрение цепляется за картинку, мелькнувшую справа. Фокусирую внимание и вижу черный Майбах, в который Глория торопливо садится. Подрываюсь с места, чтобы одернуть, обуздать, остановить…

Но уже поздно.

Белокурая шевелюра Глории скрывается за дверью, и Майбах на полной скорости растворяется в полуночной тьме.

Глава 12. Спаси меня.

Булат

Грязно выругавшись, рассекаю кулаком воздух.

Уехала. Села в тачку к какому-то богатенькому ублюдку и отчалила в ночь.

А ведь совсем недавно ее сочные мягкие губы жгли меня поцелуями…

Да, я первый набросился на нее. Да, нарушил границы и вторгся в личное пространство. Но Глория отвечала мне. Отвечала, сука! Поэтому ее внезапное заявление о том, что у нее, оказывается, есть парень, до сих пор ощущается как пощечина.

Унизительная. Обидная. Ожогом осевшая на лице.

Я не привык к отказам. Не привык играть на вторых ролях. Оттого ярость, пульсирующая во мне, приобретает все более и более темные оттенки.

Я взбешен, зол и распален до предела. Так что мне срочно нужно выпить.

Провожу пятерней по волосам и, сплюнув на асфальт, возвращаюсь в бар. Тут по-прежнему играет ненавязчивая джазовая музыка, но, в отличие от прошлого раза, она не очаровывает, а, скорее, раздражает.

Сейчас бы Раммштайн послушать, а не вот это вот все…

– Баллантайнс налей, – роняю я, хмуро глядя на бармена. – Чистый.

Тот кивает и без лишних слов придвигает мне граненый рокс, наполненный янтарной жидкостью.

Залпом опрокидываю в себя спиртное и прошу еще. Раз уж с Глорией не выгорело, у меня теперь новый план: наебениться до состояния «нестояния» и забыться.

Конечно, наутро бурное веселье неизбежно аукнется ядерной головной болью, но это все будет завтра. А сегодня – гуляем.

Пью, изредка закусываю и снова пью. Клеюсь к каким-то девчонкам, сидящим по соседству. Несу откровенную чушь, но они все равно визгливо хихикают и кидают на меня многозначительные призывные взгляды.

Дурочки…

В целом, они ничего. Даже симпатичные. Но меня почему-то все равно не тянет переводить наше знакомство в горизонтальную плоскость. Видимо, сказывается бушующий в душе минор.

Переключаю внимание на свой стакан и снова орошаю глотку крепким сорокоградусным.

Ар-р-р… Хорошо! Аж дрожь пробирает.

Постепенно становится чуть веселее. И даже тягомотный джаз перестает действовать на нервы.

Решаю выйти на танцпол и немного подрыгаться. Ну а что? Движение – это, мать вашу, жизнь!

Спрыгиваю с барного стула и, слегка пошатываясь, держу путь туда, где резвится шумная толпа. Пока пытаюсь вписаться в поворот, меня задевает плечом какой-то тип кавказской наружности.

Задевает и даже не извиняется.

– Ты охуел?! – ору я, возмутившись.

– Это ты мне?! – бычится чернявый.

– Тебе, блядь! Че как криво передвигаемся?!

– Пошли выйдем, – цедит сквозь зубы.

Черные густые брови срастаются на переносице.

– Нахер выходить? Здесь разберемся! – усмехаюсь.

А в следующую секунду замахиваюсь и первый наношу прицельный удар в челюсть.

Тип отлетает назад и сшибает несколько столиков.

Поднимается гомон и шум. Испуганные телки бросаются врассыпную, а мужики судорожно пытаются сообразить, какую позицию в назревающей драке им занять: участника или наблюдателя.

Кавказец, получивший от меня пиздюлей, поднимается на ноги и, исторгая огненный дым из ноздрей, бросается в бой.

А я лишь улыбаюсь и пошире раскрываю ему свои объятия. Дескать, иди сюда, родной, потанцуем.

Вы не подумайте, я не какой-то там маргинал, который беспричинно бросается на окружающих. Но пьяные драки в барах люблю горячо и нежно. Как по мне, это лучший способ спустить пар и приподнять упавшее настроение.

Быстро. Эффективно. И крайне красочно.

Кавказец оказывается бывалым борцом, и мы валимся на пол, стремясь как следует помять и нахлобучить друг друга. Пару раз мне нехило прилетает кулаком по почкам, но я не расстраиваюсь и продолжаю со смаком дубасить тяжело дышащего противника.

Только-только вхожу в раж и начинаю получать истинное удовольствие от процесса, когда внезапно чьи-то руки довольно грубо и бесцеремонно хватают меня за шкирняк и оттаскивают от моей жертвы.

Пытаюсь вывернуться и дать сдачи, но все тщетно: охранников размером со шкаф аж трое, и они неумолимо волокут меня на выход.

– Да погодите, чуваки! Я ж только начал! – ору я, пытаясь воззвать к их сочувствию.

Но амбалам хоть бы что. Никакой мужской солидарности.

Дотащив мое отчаянно сопротивляющееся тело до дверей, они отбрасывают всякие условности и безжалостными пинками выталкивают меня на улицу.

Лечу мордой вперед и, смачно поцеловавшись с асфальтом, на какое-то время стихаю. Все же мне немало досталось: ребра дико ноют, а с бровей прямо в глаз капает кровь.

Издав протяжный вздох, собираюсь с силами и принимаю сидячее положение. Утираю саднящее лицо рукавом куртки и, хрипло вбирая в легкие холодный весенний воздух, озираюсь по сторонам. Вокруг темно и безлюдно. Только свет ав-

томобильных фар редкими проблесками проносится вдали.

Блядь. Походу, это конечная.

Пьяное веселье подошло к закономерному финалу.

Отхаркиваю багровые сгустки крови и лезу в карман за телефоном. Надо вызывать такси и мчать домой.

Однако мобильника в куртке не обнаруживается. Так же, как и кошелька.

Да вашу ж мать!

Обокрали, суки. Или сам выронил, пока кавказцу рожу чистил…

В любом случае ситуация вырисовывается занимательная: я на другом конце Москвы. Без денег и телефона. Побитый и бухой.

Интересно, каковы мои шансы добраться домой до наступления утра?

Подползаю к кирпичной стене и, опершись на нее, поднимаюсь на ноги. Ловлю хрупкое равновесие и, изо всех сил стараясь не наебнуться, держу путь к перекрестку, за которым, по моим предположениям, должна находиться более-менее оживленная улица.

Как и следовало ожидать, первые пять-шесть случайных прохожих отказывают мне в помощи. Точнее даже не отказывают, а просто испуганно дают деру. Удача улыбается мне в лице молодых ребят, которые небольшой компашкой стоят у входа в круглосуточную шаурмечную и курят.

– Пацаны, выручайте, – говорю я, приближаясь.

– Сори, брат, денег нет, – отмахивается один из них.

– Мне бы только позвонить. Я быстро, отвечаю.

Его взгляд – прищуренный и цепкий – оценивающе проходится по мне. Прямо с головы до ног.

Должно быть, решив, что в таком состоянии я далеко не убегу, парень стряхивает скопившийся на конце сигареты пепел и, вставив ее меж зубов, лезет в карман джинсов за мобильником.

– На, держи, – протягивает мне гаджет.

– Спасибо, – благодарно киваю.

Несколько секунд озадаченно пялюсь на горящий экран, а затем вдруг осознаю, что я не помню телефонные номера друзей. Ни Южакова, ни Гассена. В голове маячит лишь один набор из одиннадцати цифр. Выученный на спор много лет назад, в далеком беззаботном детстве.

Черт… Насколько будет уместно звонить Нечаевой во втором часу ночи?..

Неуместно ни хрена. Но какой меня выбор?

Набираю номер подруги и, приложив мобильник к уху, слушаю долгие протяжные гудки. Не возьмет, наверное. Поздно ведь уже. Динка сейчас по-любому в кроватке, спит и видит десятый сон. Так что я со своими проблемами ей на хер не упал.

Потихоньку теряю надежду на спасение и взращиваю намерение чапать до дома пешком, когда внезапно последний гудок обрывается на середине, и из динамика раздается при-

глушенное:

– Алло…

– Гусеничка! – сиплю я, крепче сжимая чужой мобильник. – Это Булат.

– Булат?.. – тянет растерянно.

– Да, Кайсаров, – поясняю.

Хотя, вероятно, она и так поняла.

– Что случилось, Булат? – в ее голосе проступает волнение. – Почему ты звонишь с другого номера?

– Я… В общем, я остался без телефона, Дин. И без денег. А наизусть помню только твой номер, поэтому тебе придется меня спасти.

– Ты цел? – спрашивает мгновенно.

– Да. Почти…

– Где ты находишься? – для только что проснувшейся она на удивление быстро соображает.

Вскидываю взгляд на номер рядом стоящего здания и диктую адрес.

– Хорошо, записала, – отзывается Дина. – Сейчас вызову такси и приеду. Будь на месте, понял?

– Да куда ж я денусь? – усмехаюсь, испытывая облегчение.

– И больше не пей! – добавляет строго. – И так языком еле ворочаешь!

Разве?..

– Да не пью я, не пью… Мне ведь не на что даже…

– Все, я выезжаю. Жди!

И сбрасывает вызов.

Возвращаю мобильник выручившему меня парню и, присев на ступеньки закрытого на ночь магазина, расплываюсь в довольной пьяной улыбке.

Ай да Динка! Ай да молодец!

Никаких лишних вопросов, все четко и по делу.

Она ведь всегда такая: поможет, утешит, в беде не бросит. Где надо – подзатыльник даст, где надо – по голове погладит. Не подруга, а чистое золото.

Жаль только, что я редко ей об этом говорю... Ну о том, что она классная и что без нее моя жизнь была бы в разы паршивее. Хотя Нечаева, наверное, и сама обо всем знает. Она же умная, черт подери.

Откидываю затылок на прохладную плитку, закрываю глаза и, держа в голове мысль о том, что при встрече обязательно скажу Дине большое человеческое спасибо, проваливаюсь в полудрем.

Глава 13. В первый раз.

Дина

Меня слегка подташнивает от волнения. Как при морской болезни. Нервы натянуты тугой тетивой, а голова пухнет от вопросов: как там Булат? Не ранен ли? Не перепутал ли адрес? Хватит ли у него терпения меня дождаться?

По телефону голос Кайсарова был вусмерть пьяный. Обычно друг не достигает такой кондиции, а если все же достигает, значит, в его жизни что-то произошло. Что-то важное и нехорошее.

В последний раз он так напивался после неприятного разговора с отцом, предпоследний – когда мать загремела в больницу с воспалением легких.

Несмотря на внешнюю брутальность и вызывающую дерзость поведения, внутри Булат довольно уязвим. Особенно если речь идет о небезразличных для него людях.

– Приехали, – объявляет таксист.

– Поставьте на счетчик. Я скоро вернусь, – командую я.

И пулей выпрыгиваю из машины.

Кручу головой по сторонам в поисках Булата, но его нигде не видно.

Неужели все-таки ушел?..

Внезапно внимание цепляется за неопределенное нечто,

лежащее у подножья закрытого продуктового магазина. Так сразу и не скажешь: то ли гора мусора, то ли человек.

Напрягаю зрение и делаю несколько шагов вперед. Взору постепенно открывается полная картина, и, опознав спящего на ступеньках друга, я встревоженно взвизгиваю:

– Булат!

Подлетаю к нему и, склонившись, обхватываю руками немного колючие щеки:

– Булат, немедленно просыпайся! Простудишься же!

Выглядит он ужасно. Даже хуже, чем я представляла. Куртка порвана, губы разбиты, на скуле назревает синяк, а над правым глазом красно-коричневой корочкой запеклась кровь.

– М-м-м… – в ответ раздается лишь невнятное мычание.

– Вставай, сказала! – восклицаю я, яростно дергая его за воротник. – На улице холодно, а ты на земле лежишь!

– Гусеничка, это ты? – хрипит еле слышно.

– Я, конечно! – пытаюсь закинуть его руку на свое плечо, чтобы помочь принять вертикальное положение. – Пошли скорее!

Кайсаров весит килограммов восемьдесят, а то и все восемьдесят пять. Поэтому поставить его на ноги не так-то просто. Особенно учитывая факт, что он дико пьян.

– Булат, соберись! – кряхчу я. – Нам надо дойти до машины!

– Ты вкусно пахнешь, – икнув, он зарывается носом в мои

волосы. – Что это? Корица? Какао?

– Я не знаю, – отзываюсь я, едва не ломаясь под тяжестью его веса. – Это просто шампунь.

– Мне нравится, – бормочет, кое-как передвигая ногами. – Ты похожа на шоколадку, Дин…

– Угу.

– Нет, серьезно… У тебя такая смуглая кожа, и аромат охуенно сладкий…

Пока Булат толкует о запахах, пьяно растягивая гласные, я открываю дверь ожидающего нас такси и пытаюсь запихнуть его на заднее сидение.

– Ну уж нет! – вспыхивает водитель, бросив взгляд на нового невменяемого пассажира. – Пьяного не повезу!

– Да он же безобидный! – упрашиваю. – Сейчас сядет и сразу уснет.

– А перед этим облюет мне весь салон! Вы извините, девушка, но мне такой риск ни к чему!

– Даю вам тысячу сверху, – в отчаянии выпаливаю я. – И если ему все-таки станет плохо, то я оплачу вам химчистку. Честное слово!

На лице водителя застывает сомнение. Несколько секунд он взвешивает «за» и «против», а затем наконец кивает и, слегка сморщив нос, добавляет:

– Только с открытыми окнами поедем. А то амбре от вашего спутника просто невыносимое.

– Как скажете, – киваю я, радуясь, что он вообще согла-

сился нас везти.

Сажусь в машину, захлопываю дверь, и Булат тотчас роняет голову мне колени. Так, собственно, и едем до дома: он спит, а я перебираю пальцами его мягкие темные волосы и ласково поглаживаю макушку.

Даже в глубоко нетрезвом состоянии он для меня идеал. Прекрасный и недостижимый.

К счастью, поездка обходится без эксцессов. Булата не рвет, он не шумит и не буянит. Поэтому я с чистой совестью отдаю такситу причитающееся ему вознаграждение, а затем помогаю другу выбраться наружу.

– Ну вот мы почти и приехали, – говорю я, ведя Кайсарова к подъезду. – Осталось совсем немного.

– Спасибо, Гусеничка. Мне очень нужна твоя аморальная поддержка.

– Ты имеешь в виду «моральная»?

– Нет, – ухмыляется. – Именно аморальная.

– Как же ты дурак, Кайсаров! – со смехом закатываю глаза.

– Зато со мной ты всегда улыбаешься, – хмыкает самодовольно. – Искренне.

Это правда. Так, как Булат, меня никто не смешит.

Хотя… Когда я ходила на свидание с Витей, мне тоже было классно и весело. Просто как-то немного иначе: более уютно и без накаленного добела нерва.

Заталкиваю друга в подъезд. Потом в лифт. А потом наконец и в квартиру. Благо, что у меня дома был запасной

комплект его ключей. Сделала копию пару лет назад. Так, на всякий случай. И, как показала жизнь, не зря. Все-таки пригодилось.

Приседаю на корточки и принимаюсь расшнуровывать его Найки. Кайсаров при этом смотрит на меня сверху вниз и, слегка покачиваясь из стороны в сторону, блаженно скалится.

– Чего какой довольный? – с любопытством роняю я.

– Люблю, когда за мной ухаживают.

– Кто ж этого не любит, – перехожу ко второй кроссовке.

– Скажи, Дин, ты только со мной такая?

– Какая? – поднимаю на него глаза.

– Хорошая, нежная, заботливая…

На этих словах его взгляд, сосредоточенный на моем лице, становится каким-то тягучим, масляным и пугающе манким… Будто теплая плавленая карамель.

Раньше он так никогда не смотрел. По крайней мере, на меня.

– Трудно сказать, – пожимаю плечами, ощущая невольную дрожь в теле. – Но я всегда относилась к тебе по-особенному…

– Почему?

– Потому что ты мой лучший друг, – отвечаю вслух.

«*И любовь всей моей жизни*», – добавляю мысленно.

Поочередно сдергиваю с его ног кроссовки и, распрямившись, помогаю дойти до спальни.

С протяжным вздохом Булат валится на кровать и дергает меня за руку, вынуждая прилечь рядом. Только положив голову на мягкую подушку, я осознаю, как сильно не выспалась и устала.

– Ты тоже для меня особенная, – вдруг произносит Кайсаров, поворачиваясь на бок.

Его глаза открыты, и пристальный испытующий взгляд жжет щеку.

– Правда?.. – смущенно и обрадованно тяну я.

Хотя в глубине души знаю, что он не вкладывает в свои слова и половины того смысла, который вложила я.

– Правда. И сейчас я понял еще кое-что.

– Что же? – тоже поворачиваю голову, чтобы лучше его видеть.

– Ты красивая, – роняет, задумчиво вглядываясь в мое лицо. – Я когда-нибудь говорил тебе об этом?

– Нет, – затаив дыхание, шепчу я. – Ни разу…

– Гусеница превратилась в бабочку, а я и не заметил.

Булат закусывает разбитую губу, а затем вдруг приподнимается на локте и придвигается ближе, резко сокращая расстояние между нами и обдавая меня ароматным теплом своего тела.

От него пахнет алкоголем, парфюмом и… мечтой. Заветной, волшебной, восхитительной… Той, что никогда не суждено сбыться.

Его взгляд – голодный, манящий, порочный – сползает

чуть ниже и замирает на моих приоткрытых губах.

Коротко выдыхаю. Грудь сдавливает томящим спазмом. Сердце разгоняется до двухсот и начинает оголтело хлестать по ребрам.

– Блядь… – хрипит Булат, не отрывая от меня зачарованного осоловелого взора. – Мне в голову пришла одна тупая мысль…

– Какая?..

– Что, если я тебя поцелую? Просто интересно, какая ты на вкус…

Атмосфера в комнате накаляется, становясь густой и наэлектризованной. Воздух – плотным и горячим. В голове шумит, будто я тоже пьяна.

– Я… Я даже не знаю, Булат… – лепечу срывающимся голосом.

– Тихо, – останавливает он. – Я просто попробую.

А затем наклоняется и, накрыв мои губы своими, проталкивается языком мне в рот.

Бесцеремонно.

Глубоко.

Нагло.

Вскрикиваю от шока и неожиданности, но мой возглас тонет во влажных звуках внезапно навалившейся близости. Булат целуется умело и откровенно. В его движениях нет ни грамма стеснения, ни капли робости… Он нескромно и пошло вылизывает мой рот, не оставляя там ни единого

нетронутого сантиметра.

Подчиняет, сводит с ума, порабощает.

А я трепещу под его прикосновениями как лист на осеннем ветру… Кожа мурашками покрывается, в животе огненная спираль закручивается, конечности ватной слабостью наливаются…

Дурею.

А он все целует, целует, целует… Властно орудует языком, заставляя мои нервы дрожать от восторга. То губу прикусит, то облизнет, то зубами оттянет…

Глаза закатываются. Ощущение реальности ускользает. Сознание затягивается дымчатой кроваво-красной пеленой.

Булат издает сдавленный приглушенный рык, и в следующее мгновение под обличительный шорох простыней решительно вдавливает меня в матрас. Он – сверху, а я – под ним. Задыхаюсь под тяжестью его мускулистого разгоряченного тела…

Не разрывая поцелуя, Кайсаров слегка приподнимает таз и запускает руку между нами. Его ладонь нащупывает резинку моих штанов и рывком дергает ее вниз, стаскивая с меня одежду вместе с трусами.

– Булат…

– Тш-ш-ш, не рыпайся, – сипит он, возясь с пряжкой своего ремня.

А я взволнованно каменею, понимая, к чему все идет.

И нет, у меня даже не возникает мысли о том, чтобы от-

толкнуть, отпрянуть, возмутиться…

Потому что это Булат.

Потому что я люблю его всю сознательную жизнь.

Кайсаров расстегивает ширинку, а через пару секунд между ног упирается что-то большое, твердое и обжигающе горячее…

Вздрагиваю.

Жмурюсь.

Испуганно сглатываю.

Булат прячет лицо куда-то мне в шею и что-то бессвязно бормочет, а давление его плоти на мою промежность все усиливается, становясь поистине нестерпимым…

Амплитудный, даже немного грубый толчок – и меня вдруг пронзает такой острой болью, которая обычно возникает при порезах или ссадинах. Всхлипнув, интуитивно дергаюсь назад, но Булат удерживает мои бедра на месте, продолжая ритмично и импульсивно наполнять меня собой…

Толчок. Еще толчок.

Сильное растяжение и ощущение тотальной переполненности.

Меня мотает по подушке туда-сюда, словно хлипкую шлюпку в сильный шторм, но я, хоть убей, не понимаю, как мне реагировать на происходящее. Кричать? Стонать? Изображать какие-то эмоции?

Боль понемногу стихает, превращаясь в тянущий дискомфорт, и я наконец открываю влажные от слез глаза. Упира-

юсь взглядом в потолок, который во тьме ночи кажется не белым, а грязно-серым, и вдруг понимаю, что занимаюсь сексом.

Прямо сейчас. В эту минуту.

Обдавая горячим алкогольным дыханием мою щеку, Булат наращивает темп. Вколачивается в меня с какой-то нетерпеливой безудержной яростью, а я лежу до смешного смирно и, испуганно выпучив глаза, не издаю при этом ни звука.

Интересно, мне должно быть приятно? Хотя бы чуточку? Или в первый раз всегда так?..

Булат сдавленно матерится и, больно сжав ладонью мою правую ягодицу, выскальзывает наружу. Легкая теплая пульсация касается внутренней стороны бедра, а потом все заканчивается.

Так же внезапно, как и началось.

Кайсаров освобождает меня от массы своего тела и, бегло натянув джинсы, перекатывается на другой край кровати.

А буквально через несколько десятков секунд слуха касается его тихое размеренное сопение.

Глава 14. Буду тебя любить.

Дина

Какое-то время я лежу абсолютно бездвижно. Буравлю взглядом люстру, висящую на потолке, и слушаю размеренное дыхание Булата, который погружен в глубокий сон.

Потом аккуратно поднимаюсь на ноги и скрываюсь в ванной, прикрыв за собой дверь. Снимаю мотающиеся на уровне голеней штаны с трусами, стягиваю толстовку и шагаю в душевую кабину.

Окидываю взглядом свое обнаженное тело и вдруг замечаю влажную белесую дорожку, тянущуюся от внутренней стороны бедра к колену. Это отметина Булата. Результат его оргазма.

Прикусив нижнюю губу, включаю воду и осторожно направляю душевую струю на ногу. Омываю живот, ягодицы, а затем

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.